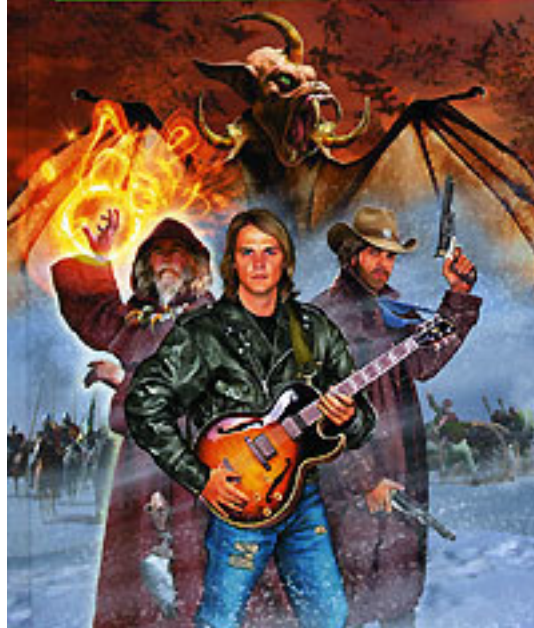

МИХАИЛ
КЛИКИН

РУССКАЯ
ФИЛАСЬКА

НИ СЛОВА О МАГАХ

Михаил Кликин
Ни слова о магах

«Автор»

Кликин М.

Ни слова о магах / М. Кликин — «Автор»,

Когда параллельные миры сходятся в одной точке, судьбы людей сплетаются с судьбами магов. Армии противоборствующих миров, сойдясь на границе, сталкиваются с третьей силой – беспощадным Роем жутких существ, несущих смерть и опустошение. Два мага, возглавляющие армии, продолжают вековую борьбу, и каждый считает себя правым. Но когда магия оказывается бессильна, когда мечи и копья становятся бесполезны, приходит время пороха...

© Кликин М.

© Автор

Содержание

Пролог	5
Часть первая: Бард	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	32
Часть вторая: Стрелок	45
Глава 4	45
Глава 5	55
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Кликин

Ни слова о магах

Пролог

Снежные быки – огромные, лохматые, медлительные – легко тянули нагруженные волокуши. Струи морозного искрящегося тумана вырывались из тьмы ноздрей, оседали инеем на мордах, превращая густую шерсть в массивные гирлянды мокрых сосулек. Порой животные трясли головами, и тогда смерзшийся мех колыхался, с тихим шелестом осыпаясь мелкими ледышками.

На шее каждого быка восседал погонщик. Людям приходилось несладко – они хоть и кутались в шубы, прятали носы в воротники, но мороз пробирал до костей, а стылый ветер так и норовил забиться под одежду. То и дело кто-то из заочневших погонщиков бросал поводья, соскакивал в снег и бежал рядом со своим быком, в опасной близости от огромных мохнатых ног, цепляясь за длинные космы, свисающие с боков животного. Бежал, проваливаясь в сугробах почти по пояс, с немалым трудом выбираясь из снежного плена. Бежал, пока не начинал задыхаться, пока едкий пот не заливал глаза. А потом, согревшись движением, взбирался на шею быка и замирал там, съезжившись под просторной шубой, отдыхая и экономя тепло.

На длинных волокушах, примостившись на жердях, словно на насестах, ехали мрачные воины-охранники. Этим приходилось еще хуже, чем погонщикам – шуб у них не было, а плащи, хотя и были подшиты мехом, но совсем не грели. Окоченевшие воины выглядели жалко – синие лица, мраморно-белые носы, трясущиеся губы...

Небо сегодня было чистое. За долгую ночь серые отяжелевшие тучи опустились к подножьям гор, и перевал сразу же выстыл, лишившись небесного покрывала. А под утро задул ветерок, вроде бы и не сильный, но нестерпимо колючий, обжигающий открытую кожу.

Солнце, маленькое и совсем негреющее, взошло уже давно, но звезды не торопились спрятаться, только немного умерили свой блеск...

Один из охранников с тоской глянул вверх. Пробормотал, ежась:

– Звезды белым днем, где ж это видано... – он слабо сплюнул, и слюна затрещала на морозе. В снег упал маленький ледяной комочек.

– Ты смотри – плевков замерзает!

– Ничего, через горы перевалим, там теплей будет, – сказал второй охранник. Воины сидели рядком на длинной толстой слеге, тесно прижавшись друг к другу. Они сняли с себя кольчуги, хоть это и было настрого запрещено.

– Еще один такой день, и мы все тут околеем, словно воробьи на морозе. Только быки и останутся.

– Спуск уже начался. К вечеру, может, перевал пройдем.

– Что толку? Внизу тоже зима.

– Все равно, там потеплей будет.

– Да какая разница! Везде холод страшный!

Они замолчали, смежив слезящиеся глаза.

Хрустел снег. Пофыркивали быки. Скрипели связанные жерди волокуш. Кто-то из погонщиков затянул протяжную гортанную песню, его поддержали несколько голосов, но вскоре песня смолкла.

Мерные тихие звуки и колыхание волокуш вгоняли в сон. Да и теплее кажется, если не шевелиться. А чуть двинешься – и сразу морозный воздух ползет под одежду, щиплет кожу, пробирает ознобом...

Охранники дремали, ежась и прижимаясь друг к другу.

Спали погонщики.

Солнце медленно клонилось к западу.

И вдруг что-то произошло.

Грянул гром, разбудив окрестные горы. Заметалось испуганное эхо, ища укрытия.

Охранники вздрогнули, открыли глаза, пока еще не понимая, что случилось. Посмотрели на чистое небо.

– Гроза? – спросил один.

Откуда? В безоблачном прозрачном небе, зимой?

Всхрапнул бык, бредущий первым.

– Стрелки! – крикнул тот, что надеялся к вечеру пройти перевал. В голосе его слышался страх.

Вновь рывкнул гром. Негромко вскрикнув, с шеи быка свалился погонщик. Он, еще живой, упал прямо под ноги животному, увяз в сугробе. Задергался, пытаясь отползти в сторону, но не успел – тяжелое широкое копыто вдавило его в снег, утопило, расплющило.

– Стрелки!

Воины спрыгивали с волокуш, выхватывали мечи, кто-то пытался влезть в смерзшиеся кольчуги. Все крутили головами, высматривая врага. И ничего не видели – только белый снег кругом, искрящийся, слепящий, колющий болью глаза.

Недалеко что-то устало вздохнуло. Дрогнула земля под ногами. Разбуженный эхом, сорвался в пропасть огромный снежный карниз, ударился о склон, взметнулся облаком снежной пыли и покатился вниз неудержимой, разрастающейся лавиной. Быки, обычно такие спокойные, выдержанные, разом остановились, захрапели, раздувая ноздри, затрясли головами.

– Стрелки!

Снова прогремели выстрелы, заглушив грохот уходящей лавины. Взвились к небу демаскирующие серые дымки, но их быстро разметал ветер.

– Они там!

Вязнущие в снегу воины поползли туда, откуда только что поднялись дымки. Там никого не было видно – кругом нетронутый снег.

– Вон они!

Три фигуры поднялись в полный рост, синхронно скинули с плеч белые плащи, сливающиеся со снегом. Опустили головы, исподлобья наблюдая за передвижением охранников, чего-то выжидая. Один – высокий, черноволосый, худощавый. Второй – приземистый, коротконогий, сутулый. Третий – седой здоровяк с окладистой бородой. На бедрах каждого – широкий кожаный пояс. Ни мечей, ни луков – только странное оружие в руках. Странное, необычное и смертоносное. Грохочущее, плюющееся огнем и дымом. Оружие стрелков.

Один из охранников был уже недалеко – он выхватил из-за пояса метательный кинжал, но успел лишь взмахнуть рукой – бородатый стрелок ткнул в его сторону своим коротким оружием, и воин упал замертво, даже не услышав грохота выстрела. В то же мгновение открыли огонь и два других стрелка – четыре охранника разом словно запнулись, повалились лицом в снег и больше не шевелились. Воины, видевшие бесславную гибель товарищей, яростно завопили и еще ожесточенней стали продираться сквозь сугробы к врагу, потрясая обнаженными мечами. Их было много – двадцать пять человек, двадцать пять отточенных клинков. Стрелков было всего трое. Но силы были неравны.

Стрелки сделали шаг вперед. Почему-то они не проваливались в снег, не вязли в нанесенных сугробах.

Еще восемь быстрых выстрелов, слившихся в единый громовой раскат – и восемь воинов выронили мечи.

Несколько погонщиков, понимая, что исход схватки предрешен, прыгнули со своих быков, надеясь убежать, спрятаться где-то до того, как все охранники будут мертвы. Впрочем бегство было лишь отсрочкой – рано или поздно мороз достанет тех, кому удалось избежать пуль стрелков.

Еще выстрелы – воздух пропах пороховым дымом, снег напитался алой кровью.

Десять воинов-мечников упрямо ползли навстречу своей смерти, по пояс проваливаясь в сугробы, с трудом выкарабкиваясь на хрупкий наст и проваливаясь снова, оставляя за собой взрытые глубокие траншеи. Они уже не кричали, только яростно стиснули зубы и накрепко сдавили рукояти мечей. Они хотели совершить невозможное – опередить стрелков.

А стрелки равнодушно смотрели прямо перед собой. Они видели только цели. Еще движущиеся, живые. И пораженные, неподвижно лежащие в снегу. Они уже прикидывали, сколько возьмут золота и серебра. Все прочее, что было на волокушах – ткани, шерсть, хлеб, – их не интересовало.

Никто не заметил, как откуда-то сбоку появился странный человек. Он возник словно бы прямо из воздуха, и, возможно, так оно и было – нечеткая фигура его расплывалась, окутанная розовым, чуть светящимся маревом. Незнакомец не походил на погонщика – для погонщика он был чересчур высок. Не мог он быть и воином – слишком худ. Да и одет он был странно, не по погоде – в бесформенный длинный балахон, сплошь увешанный какими-то поблескивающими безделушками.

– Опоздал, – горестно сказал незнакомец и, остановившись в отдалении, пристально взгляделся в происходящее.

В этот момент шесть выстрелов унесли еще шесть жизней.

Пришелец поднял руки к небу, прикрыл глаза.

Еще один воин упал, сраженный пулей.

Свечение, окутывающее фигуру незнакомца, сделалось ярче, насыщенней. Миг – и снег под его ногами стал плавиться. Еще мгновение – и высоко над головами ничего не подозревающих стрелков возник сияющий багровый шар. Пришелец выждал секунду, давая шару вызреть, налиться пламенем, а потом резко опустил руки, и огненный метеор, следуя повелительному жесту, рухнул на стрелков.

Столб горячего пара взметнулся к небу. Седого бородача волной расплескавшегося пламени отшвырнуло в сторону. Сутолящегося коротышку, что стоял по центру, попросту раздавило – он не успел вскрикнуть, как превратился в жалкий бесформенный дымящийся ком. Черноволосый худощавый стрелок вспыхнул, словно пропитанный маслом фитиль. Какое-то мгновение он еще стоял ровно, а потом стал разваливаться, рассыпаться крошевом горячей золы и углей.

Ошпаренные воины в испуге отшатнулись, отвернули лица от нестерпимого жара.

– Что это? – выдохнул один.

– Маг! – крикнул тот, что надеялся к вечеру пройти перевал.

– Где?

Они обернулись, высматривая своего спасителя. А тот уже легко и стремительно шагал к ослепшему, обгоревшему стрелку-бородачу.

– Откуда вы пришли? – Маг склонился над раненым стрелком, тронул его за плечо. Тот слабо вскрикнул и попытался отползти.

– Скажи откуда, и я оставлю тебя в покое. – Вновь маг коснулся пальцами обугленной руки, и опять стрелок не смог сдержать крик.

– Где, где Портал, из которого вы вышли? Говори! Где?.. – Маг хлестал ладонью обгоревшее, взрагивающее от боли тело. – Отвечай, стрелок! Отвечай!

– Не... не... вижу... ничего... не вижу...

– Откуда вы пришли? Скажи, и я оставлю тебя.

– С севера... Два дня пути...

Маг перестал истязать беспомощного стрелка, сел на снег, достал из-за пазухи большой свиток, осторожно развернул его, разгладил на колене.

– С севера? Можешь показать на карте откуда именно?

– Я ослеп, – простонал стрелок. – Я не могу пошевелиться, такая боль.

– Ты пытаешься смотреть глазами. Не надо. Их у тебя больше нет. Смотри душой, – маг взял руку стрелка, осторожно распрямил скрюченные черные пальцы. – Следи за своей рукой. А боль я сниму. – Он прикрыл глаза и стал медленно водить ладонь стрелка над картой:

– Мы здесь. Чувствуешь?.. Это пик к западу... Это горное плато... Теперь двинемся на север... Ты видишь карту?.. Видишь ее?..

– Да, – прошептал зачарованный стрелок. – Вижу... Мы шли так... – Обгорелый палец дрогнул и прочертил на плотной бумаге линию. – Портал здесь.

– Здесь? Там есть какие-то приметы?

– Два скалы, похожие на птиц. Одна вся черная, вторая – белая с красными прожилками... Они смотрят друг на друга. Эти птицы. Они хотят улететь, но не могут, потому что они слишком тяжелые. Они крепки как скалы и так же тяжелы... – Стрелок начал бредить.

– Хорошо, – сказал маг. Он отпустил руку стрелка – та безвольно упала, – вынул из кармана тонкий свинцовый стержень и, нарисовав аккуратный крест, отметил место, указанное стрелком.

Потом он долго сидел и изучал карту...

Три оставшихся в живых воина почтительно смотрели на задумавшегося мага, держась в удалении, не решаясь его потревожить. Тихие погонщики успокаивали встревоженных быков и нетерпеливо косились в сторону замерших охранников. На мага они не смотрели – боялись...

– Который из них? – бормотал маг. – Как узнать, который их них?.. Уже совсем скоро! Где? Когда?.. – он встрепенулся, посмотрел на мечников, улыбнулся мягко и словно бы немного растерянно. Сказал в полный голос:

– Что вы стоите? Замерзнете! – он махнул рукой – Идите! Быки все целы? Товар цел?.. Так идите! Перевал скоро кончится... – Он торопливо свернул карту, убрал свиток за пазуху, поднялся на ноги. Повторил: – Идите.

– Спасибо вам, – склонил голову один из охранников.

Маг досадливо отмахнулся и повернулся лицом на север. Приставив ладонь козырьком ко лбу, он всмотрелся вдаль.

– Двенадцатый портал где-то там, – пробормотал он себе под нос. Караван его больше не интересовал. Он повернулся к стрелку, наклонился к нему, вслушался в тяжелое прерывистое дыхание, в неровное биение сердца, всмотрелся в белки закатившихся глаз. Стрелок еще жил.

– У меня есть к тебе дело, – сказал маг. – Ты отправишься домой в свой мир и найдешь нужного мне человека. И скажешь ему, что уже пора...

Мечники повернули назад, к каравану. С немалым трудом они пробирались через взрытые сугробы. Проходя мимо убитых товарищей, воины старались не смотреть на мертвые тела, чтобы не беспокоить отходящие души.

Погонщики, увидев, что охрана возвращается, ожили, зашевелились, криками подбодрили быков. Кто-то на радостях затянул во весь голос песню, вновь растревожив улегшееся было эхо...

Вскоре караван продолжил свой путь, оставив на снегу россыпь безжизненных тел.

А маг все сидел рядом с полуживым стрелком, и что-то нашептывал, бормотал, водил руками над вздрагивающим телом.

– Что он там делает? – спросил один из воинов, устроившись на волокуше.

– Какое нам дело? – отозвался его товарищ. – У магов свои причуды.

– Он спас нам жизни.

- Ему что-то было нужно от стрелков. Ты слышал, о чем они говорили?
 - Нет.
 - Я тоже.
 - Интересно, откуда он появился? И куда идет?
 - Какое нам дело? У него своя дорога, у нас своя.
 - Но ведь он спас нам жизни...
- Караван вошел в ущелье. И, кажется, стало чуть теплей.

Часть первая: Бард

*Холодный ветер.
Ночь на скрещении дорог встречает
нищий певец.
Ятаро Кобаяси (Исса)*

Глава 1

Городишко был маленький, жалкий – час ходу из конца в конец, село, а не город. Узкие пыльные переулочки, тротуары, вымощенные расплзающимися асфальтовыми плитками, разбитые дороги, вливающиеся в центральную площадь. Одно- и двухэтажные дома, частью деревянные, старой постройки, частью кирпичные – поновей. За заборами – огороды. Несколько панельных пятиэтажек, стоящих особняком на окраине, телевизионная вышка на холме, стеклянно-бетонное здание с надписью «УНИВЕРМАГ», обшарпанная автобусная станция, церквушка с покосившимся крестом...

Скучный городишко.

Стас такие не любил. Ни город, ни деревня – ни то, ни се. И денег за игру не дадут, и – попросись переночевать – в дом не пустят.

Но делать было нечего и Стас, присмотрев местечко в тени пропыленного до седины тополя, перешел через дорогу.

Людей на улице было немного. Прохожие подозрительно косились на чужака – длинно-волосый, загорелый, футболка с надписью «AC/DC» навывпуск, кожаная куртка-косуха, проклепанная металлическими бляшками, рюкзачок за плечами, тяжелый футляр для гитары в руках. Косились, но молчали – не здоровались, не интересовались, кто такой, откуда, зачем.

Ни город, ни деревня...

Он присел на бетонный невысокий бордюр – лицом к дереву, спиной к тротуару, – пристроил рядом футляр с гитарой, стащил рюкзак. Расшнуровал ботинки, давая отдых ногам. Потянулся. Прищурившись, сквозь тополиную крону глянул на солнце. Потом достал из рюкзака кусок полосатой клеенки, расстелил на вытянутых ногах. Вытащил ломоть хлеба, два мясистых помидора, битое яблоко, помятое яйцо и коробок с солью. Быстро все съел, запил водой из плоской фляжки, прополоскал рот, сплюнул под тополь, на пыльную траву.

За спиной проходили люди. Косились. Приглядывались. Оценивали. Отходя, обсуждали. Оборачивались. А ему было безразлично. Он привык – сколько таких городков пройдено, не перечесть...

Закончив нехитрую трапезу, Стас завернул яичную скорлупу в клеенку и убрал в рюкзак. Он знал, что мусорить в чужом городе не стоит, как бы грязно здесь не было. Это ИХ грязь.

Прикрыв глаза, подставив лицо легкому ветерку, он посидел еще немного, наслаждаясь чувством сытости. А потом повернулся лицом к прохожим и взял на колени массивный гитарный футляр.

Этот футляр он лично смастерил из толстой восьмимиллиметровой фанеры. Укрепил его металлическими накладками и уголками, намертво привинтил удобную ручку и широкий кожаный ремень, врезал три замка-защелки. Внутри было несколько отделений: для запасных струн, каподастра и медиаторов, для ключа и камертона. Сама гитара лежала на поролоновой подкладке, накрепко притянутая к своему мягкому ложу прочными ремешками. Стас делал этот футляр с таким расчетом, чтобы хрупкий музыкальный инструмент остался невредим,

даже если футляр будет использован в качестве дубины. И ему уже не раз доводилось проверять на практике точность своих расчетов...

Он вынул гитару, положил перед собой открытый для подношений футляр. Склонив голову, пробежался пальцами по струнам, прислушался. Покрутил колки, подстраивая. Взял аккорд. Наиграл гамму. Удовлетворенно хмыкнул и поднял голову.

Люди шли мимо. Теперь они делали вид, что не замечают его.

Раздумывая, с чего бы начать свое выступление, чем привлечь внимание прохожих, Стас перебирал струны, наигрывая что-то негромкое, легкое, блюзовое.

– Давай «цыганочку», – рядом остановился нетрезвый помятый мужичок. Он высморкался, вытер пальцы о рубаху и спросил:

– Можешь?

– Могу, – ответил Стас и показал что действительно может.

– Здорово! – признал мужичок, притопнув ногой. – Здорово! – он пьяно улыбнулся и потребовал:

– Давай еще раз! С выходом!

Стас не заставил себя упрашивать, вновь ударил по струнам.

Подошла какая-то женщина. Сказала с укором в голосе:

– Опять нажрался! Совсем дурной... Шел бы ты домой, Васильич!

– Не мешай! – отмахнулся мужичок, косолапо притопывая под звонкий гитарный перебор, шлепая ладонями по своим тощим бедрам. – Слышь, как играет, шельма! Давай, давай, парень! Эх!..

Остановился еще кто-то, и еще. Стас не смотрел в сторону собирающихся людей, чтобы не вспугнуть их, он видел только гриф и струны.

В чехол упала первая монетка, он сделал вид, что не заметил.

Васильич разошелся, пустился вприсядку, но упал. Зрители рассмеялись.

– Вставай, Васильич, – пошутил кто-то, – застудишь геморрой-то.

Стас, не поднимая головы, изобразил что-то частушечное, задорное, на трех аккордах. И Васильич сразу подхватил:

– Я не старый, я не дед, я куплю велосипед, буду ездить за горой, чтоб лечить свой геморрой!

Смех стал громче.

Стас поднял голову, быстро глянул на собравшихся слушателей. Их было чуть больше десятка, они смотрели на скоморошничавшего Васильича и словно бы не замечали гитариста.

– Я сегодня встал с утра с головой больной, выпил водки два ведра и хожу хмельной! – отчаянно прокричал Васильич.

– Ну все, понесло, теперь не остановишь, – сказал кто-то в толпе.

– А парень-то кто? – спросили негромко, но Стас услышал.

– Кто ж знает?

– Не племяш ли Васильича? Из города?

– Нет, что ты. Тому еще пятнадцать годов нет.

– А этот тогда кто?

– Да никто. Пришел сегодня с Голяницовской дороги. Я сам видел.

– Пешком?

– Ну да.

– Чего ему здесь надо?..

– Я по девкам бы пошел, но портков я не нашел! Ущипнул за бок жену, вот теперь синяк на лбу.. Давай, парень! Давай! Жарь!

Еще монетка упала на дно фанерного футляра – вторая. Народ раскошелиться не спешил.

– Что здесь такое? – В толпу втиснулась широкоплечая фигура в кожаной куртке и штанах с лампасами. – Васильич! Прекращай дебоширить! А то заберу на пять суток!

– А-а, Степан Ильич! – пьяный Васильич остановился, лукаво прищурился на явившуюся грозную личность, погрозил заскорузлым пальцем. – Забрать не имеешь права! Мы не буяним, зачем нас забирать? Просто культурно отдыхаем...

– Я тебе покажу, имею я право или нет!

– Правильно, Степан Ильич! – встряла женщина, которая уже пыталась отправить пьяницу домой. – Посади-ка ты его в камеру, поддержи там, пока не протрезвеет.

– Цыц, Варька! – Васильич плюнул женщине под ноги. – Цыц, говорю! Мужиком своим командуй, а мне ты не указ!..

Стас прекратил играть, вынул из чехла монетки – три рубля, не густо – убрал гитару, щелкнул замками.

– Так ее Васильич! – выкрикнули в разросшейся толпе. Все больше людей, слышав перепалку, подходили ближе, интересовались в чем дело.

– Васильич опять с участковым ругается, – отвечали им. – И Варька, как всегда, лезет, куда не следует.

– А парень-то кто?

– Волосатик-то? Да на гитаре играл. Не наш, пришлый.

Стас поднялся на ноги, неспешно отряхнулся. Васильич, прекратив ругань, повернулся к нему:

– Ты чего бренчать перестал?

– Хватит, – сказал Стас негромко.

– Ты что? Его испужался, что ли? – Васильич кивнул на участкового. – Не боись!

– Иди домой, Васильич! – Участковый положил руку пьянчужке на плечо, слегка развернул, мягко подтолкнул. – Иди!

– Нажрался, ирод!.. – заголосила было женщина, но участковый исподлобья глянул в ее сторону и оборвал:

– Помолчи, Варвара Петровна!

– Молчи, Варька! – прикрикнул Васильич, топнув ногой.

– А ты иди, иди, – широкоплечий Степан Ильич вновь толкнул подвыпившего мужичка. – И вы расходитесь, – он обвел толпу взглядом, – нечего тут стоять, глазеть. Не цирк.

– Все? – Васильич извернулся из-под руки участкового, обернулся к Стасу. – Музыка больше не будет?

– Не будет, – кивнул Стас и слегка развел руками, словно бы извиняясь, говоря: «ну, что тут поделаешь?».

– Эх, парень, – горестно вздохнул Васильич. – Тебе бы на пару с Васькой моим сыграть, он на гармони, ты на балалайке своей. – Еще раз вздохнув и потеряно махнув рукой, Васильич растолкал начавшую редеть толпу и, пошатываясь, заковылял по тротуару прочь, направляясь куда-то, должно быть, взяв курс к дому. Следом за ним, бормоча что-то под нос, направилась и Варвара Петровна.

– Расходитесь, – сказал участковый толпе, – на сегодня все, цирк окончен... – Он повернулся к Стасу. – А ты, парень, погоди, не убегай. Разговор есть.

– В участке? – спросил Стас.

– Зачем так сразу? – Степан Ильич вроде бы даже обиделся. – Пиво пьешь?

– Денег нет.

– Я угощаю.

– Пью.

– Ну, тогда пойдем, поговорим, – он развернулся и, не дожидаясь Стаса, не оглядываясь, размахисто и уверенно зашагал по направлению к большому зданию, на плоской крыше которого красовались облупленные покосившиеся буквы: «УНИВЕРМАГ».

Стас поспешно забросил за плечи свой рюкзачок, подхватил гитару и побежал вдогонку за участковым. Он знал, что с представителями власти лучше всегда во всем соглашаться. И уж тем более, если тебя приглашают выпить пива.

В универмаге было на удивление прохладно, хотя кондиционеров не наблюдалось – откуда им было взяться в этом заштатном городишке, где, как выяснилось, почти все знают друг друга лично? Выбор товаров был невелик – несколько импортных магнитол, черно-белый телевизор и пирамиды разнокалиберных многоцветных батареек в отделе «Радиотовары», детские полосатые мячики, велосипед «Десна» и россыпь запчастей к мотоциклам и мопедам – в «Спорттоварах», кастрюли, сковородки, тазы, лампочки и сиденья к унитазам – в «Промтоварах». Был еще отдел «Одежда», но и там особых богатств не наблюдалось. Одна-единственная на весь магазин касса пустовала. Две продавщицы, хихикая, обсуждали что-то, не обращая внимания на редких посетителей, тем более, что приходящие покупать ничего не собирались, а сразу же торопились в угол, отгороженный фанерными перегородками. «Пивной бар» – было написано на стене, и вырезанная из плотной бумаги стрелка указывала точное направление к самому популярному отделу этого универмага.

– Привет, Маша, – поздоровался участковый с хозяйкой пивного закутка. – Мы посидим тут?

– Сидите, – разрешила хозяйка, – выгонять не буду.

– Холодненькое есть? – спросил участковый.

– Найдем. Сколько?

– Давай пока пару кружек, а там поглядим. Рыбка найдется?

– Будет и рыбка.

– Свояк ловил?

– Как обычно.

– Вот и ладно.

Крякнув, Степан Ильич опустился на лавку. Сказал, обращаясь к Стасу:

– Присаживайся. Не торопишься?

– Куда мне торопиться?

– Вот и правильно. Тише едешь, как известно... Издалека едешь?

– Издалека, – не стал перечить Стас.

– Документы есть?

– Да, пожалуйста, – Стас с неохотой вытащил из внутреннего кармана куртки паспорт, протянул участковому. Тот взял, раскрыл книжечку, долго разглядывал фотографию. Полистал, внимательно изучая штампы прописок.

Стас тем временем осмотрелся.

Бар чистотой не блистал. На бетонном полу белели кляксы плевков, валялись изжеванные бычки, обрывки газет, рыба чешуя и пивные пробки. Деревянные столешницы были испещрены надписями и рисунками, по большей части похабного содержания. Занавески на пыльных окнах-витринах выглядели так, словно о них постоянно вытирали руки – и, наверняка, именно так и было.

– Что, не нравится? – усмехнулся участковый.

– Отчего же, Степан Ильич? Здесь очень даже ничего.

– Ого! Знаешь, как меня зовут. Откуда?

– Слушать умею.

– Понятно, – участковый хмыкнул, вернул паспорт хозяину. Стас несколько расслабился – если документы вернули, значит задерживать действительно не будут... Хотя, кто знает?..

К столику подошла хозяйка, поставила две стеклянные кружки с шапками густой пены поверху. Спросила:

– Как там наш хряк, Ильич? Не нашли?

– Ищем, Маша... Ищем... Ты рыбки обещала. Принеси, милая.

– Сейчас будет, – она, вильнув задом, ушла в подсобку.

– Порося у них украли, – пояснил участковый. – Дело завели, да что толку? Где ж его теперь найдешь? Давно уж на шашлык употребили хряка. Однозначно... А кто? Не свои, нет. Свои друг друга знают, у своего соседа воровать никто не будет. Здесь все на виду... Чужие это, гастролеры. Приходят, тащат, что попало, а потом мне их ищи...

Стас промолчал, пододвинул к себе кружку, дунул на пену.

– А ты, значит, путешествуешь, – предположил Степан Ильич.

– Да.

– Далеко забрался от дома-то своего... Бежишь от кого-то?

– Нет.

– Ну-ну...

Вернулась Маша, бросила на стол две тараньки, хотела еще что-то спросить у Ильича, но поняла, что разговору мешать не стоит, отошла, встала за своим столом-тумбой, спряталась за кассой, стала пересчитывать выручку, то и дело поглядывая искоса на беседующих посетителей, прислушиваясь к их негромкому разговору.

– И куда направляешься? – спросил Степан Ильич и одним глотком опорожнил почти треть кружки.

– К западу.

– А конкретней?

– Про Зону слышали?

– Понятно... – хмыкнул участковый.

– Что – «понятно»? – спросил Стас.

– Да нет, ничего... – Ильич сделал неопределенный жест. – Так... Приключений ищешь?

– Просто интересуюсь.

– Нечем там интересоваться, – помрачнел участковый. – Люди там пропадают. А нам потом ищи.

– Были там?

– Шустрый ты, парень, – усмехнулся Ильич. – Я и не заметил, как ты меня допрашивать стал... Надолго к нам?

– Думал пару дней подзадержаться, продуктов раздобыть...

– Ага! Раздобыть!

– Купить, – поправился Стас.

– А денег, говоришь, нет.

– Я бы заработал.

– Как? Тренькая на гитаре своей? У нас за это не платят, здесь не Москва, не Питер, метро у нас нет.

– Я уж понял.

– Сколько сегодня накидали?

– Три рубля.

Степан Ильич усмехнулся:

– Не густо, но на половинку буханки хватит. С голоду не помрешь.

Они замолчали, полностью сосредоточившись на чистке рыбы.

– Свояк у Машки такую тараньку делает! – участковый вкусно причмокнул, и рот Стаса наполнился слюной. – Ты, парень, пей пиво-то, пей. Я угощаю...

– Спасибо, Степан Ильич.

– Что мне твое спасибо... – буркнул участковый, обсасывая выдранный с мясом плавник. Посетителей в баре кроме них не было. Забежал какой-то парнишка, но он купил две жестянки пива, пакетик соленого арахиса и сразу же ушел, даже не посмотрев в сторону Стаса и участкового.

– Вот что... – сказал Степан Ильич, когда кружки опустели, а от рыбы осталась лишь чешуя да горстка прозрачных костей. – Парень ты неплохой, вижу, но... – он крякнул, почесал кулаком нос. – Чужаки мне здесь не нужны. У нас городишко маленький, и ты тут словно блоха на заднице. Даю тебе два часа на все твои дела, и чтоб я тебя больше не видел. Не послушаешься, пеняй на себя – посажу на пятнадцать суток, право имею. И даже не думай спрятаться – у меня везде глаза и уши.

– И куда я теперь? – спросил Стас.

– Это дело твое. Километра через три по западной дороге большая деревня будет, Сидельниково, – участковый залез в карман, вытащил две купюры по десять рублей, протянул Стасу. – На, бери! Бери, бери, не отказывайся. Не трудовые, халтурные, мне не жалко...

– Спасибо, – искренне поблагодарил Стас, пряча неожиданные деньги.

– И не думай, что я против тебя что-то имею. Зла на меня не держи... Просто жизнь у нас здесь такая... Болото. Поверху – тишь, гладь, красота. А внизу грязь и зловоние. Бросишь камень – трясина и покажется, заколыхается, запузирится, вонючие волны пойдут кругами во все стороны. Ты – камень этот и есть. А я здесь для того, чтоб тебя пнуть подальше. Понял?

– Понял, – сказал Стас. – Чего ж не понять?

– Вот и ладно, вот и договорились... И вот еще что – бросай ты свою затею! Нечего тебе в Зоне делать!

– Да я только посмотреть хочу.

– Чего там смотреть? Лес обычный. Сплошной бурелом.

– Вот посмотрю и пойду дальше.

– Балда ты! – беззлобно ругнулся Степан Ильич. – Дубина стоеросовая... Впрочем, как знаешь, дело твое. – Он встал, оправился, пригладил волосы, надел фуражку. Молодцевато козырнул. – Два часа у тебя есть. И будь поосторожнее в нашем болоте.

– Постараюсь, – сказал Стас.

Степан Ильич несколько секунд пристально разглядывал его, словно желая убедиться, что до Стаса дошло все то, о чем они только что беседовали, потом кивнул и направился к выходу. Проходя мимо хозяйки, все считающей деньги, он икнул и сказал:

– Запиши на меня, милая. Мелких, понимаешь, нет, а крупные менять не хочется, – он подмигнул. – Но с получки отдам.

– Хорошо, Степан Ильич, – откликнулась Маша.

Участковый ушел, а Стас взял еще кружку пива и добрых полчаса сидел, размышляя, что делать дальше. Безденежным уходить из городка не хотелось – да, за игру здесь много не получишь, но можно подзаработать как-то иначе – кому-то дрова поколоть, кому-то покосившийся двор помочь поправить, колодец вычистить, говяжьё тушу разделать... Но Степан Ильич на шутил – задержись тут больше чем на два часа, и окажешься за решеткой.

– Где здесь ближайший продуктовый магазин? – спросил Стас у хозяйки пивбара.

– А через дорогу перейдешь и уткнешься, – улыбнулась ему Маша.

– Спасибо.

Он допил пиво и, подхватив свои вещи, вышел на улицу.

Выпитое прохладное пиво возымело действие – солнце уже казалось не таким жарким, и сухой воздух словно бы чуть остудился. Мир вокруг приятно расфокусировался и слегка покачивался.

«Не так уж все и плохо», – рассеянно подумал Стас, глянув в чистое синее небо.

Он перешел пустынную дорогу и – действительно! – уткнулся в железную дверь, над которой висела аляповатая вывеска: «ПРОДУКТЫ». Он толкнул дверь, но она не послушалась. Толкнул сильнее, приналег плечом. Дверь не подавалась, ее словно бы заклинило. Заперто?

Он отступил на шаг. Возле металлического косяка был помещен под стекло листок бумаги, на котором, помимо всего прочего, значилось, что магазин работает без перерывов на обед. И значит сейчас он должен быть открыт. Стас вновь ткнулся в закрытую дверь. И вдруг его осенило. Он криво усмехнулся, взялся за ручку и потянул на себя.

Досадуя на собственную глупость – счастье, что никто не видел, как он борется с этой несчастной дверью! – Стас вошел в темный полуподвальный магазинчик, больше похожий на каземат – слишком низкий там был потолок, и стены сдвинулись так тесно, что невольно хотелось затаить дыхание.

Он купил полторы буханки черного, пачку соли, а вместо сдачи взял китайскую зажигалку, сунул все в рюкзак и улыбнувшись на прощание молоденькой симпатичной продавщице, выбрался на свободу.

– Не подскажете, как быстрее выйти из города? – обратился Стас к проходящей мимо старушке.

– А вам куда надо?

– На запад, – он вспомнил слова Степана Ильича и уточнил: – В Сидельниково.

– А-а... – старушка задумалась. Махнула рукой, указывая направление: – Быстрее всего по окружной дороге будет. Надо вам по этой улице спуститься и на третьем перекрестке повернуть направо. Потом прямо, до пруда, мимо пятиэтажек, а там уже дорогу видно будет. Около нее лесопилка стоит, ее издали видать.

– Спасибо, – сказал Стас.

– На здоровье, – старушка улыбнулась ему, и они разошлись, довольные друг другом.

Часы показывали половину четвертого. До конца срока, отведенного участковым, оставался целый час. Но Стас решил время зря не терять и отправился по маршруту, подсказанному улыбчивой старушкой. Он отсчитал три перекрестка, повернул направо и долго шел прямо. Так долго, что начал сомневаться, верное ли направление выбрал. Кругом теснились одноэтажные щитовые домики, прячущиеся за высокими глухими заборами. Иногда из-за дощатых изгородей, почуяв чужака, глухо, словно простужено, лаяли псы. Было пустынно и уточнить дорогу было не у кого. Единственное, что заставляло Стаса по-прежнему держаться выбранного направления, так это далекие крыши пятиэтажек, периодически выглядывающие в узкие промежутки меж заборов.

А потом он увидел пруд – затянутый тиной небольшой водоем, у берегов поросший высоким тростником. Дома здесь расступились шире, и панельные пятиэтажки вдруг оказались совсем недалеко.

Он, уже не боясь потеряться, пошел напрямик к ним.

Вскоре он вышел на захламленный пустырь, больше похожий на городскую свалку. Дорог здесь не было, только множество пересекающихся, сплетающихся тропочек. Стадо пятиэтажек паслось на противоположной стороне пустыря. Ему надо было туда, но...

На пути, занимая стратегически важную точку пересечения вытопанных троп, стояли люди.

Интуиция подсказывала, что с людьми этими лучше не встречаться.

Но Стасу надо было к пятиэтажкам. Через полчаса он должен был оказаться за пределами города, и не только потому, что так велел Степан Ильич, но и потому, что он надеялся до наступления вечера попасть в Сидельниково и, если получится, остаться там на ночлег.

Стас решил обойти подозрительную компанию стороной, по краю пустыря. Он уже было двинулся по одной из тропочек и тут же понял, что его заметили.

– Эй, парень! – окликнули издали.

Он встал, решая, что делать.

Бежать?

Куда?

– Что? – откликнулся он.

– Поди сюда! – лениво позвали его.

– Зачем?

– Поговорим!

«Сегодня все зовут меня поговорить, что за день?», – усмехнулся про себя Стас. И крикнул:

– О чем?

– Чего орать-то через всю площадь? Поди сюда, говорю!

– Площадь, – усмехнувшись, негромко повторил Стас. – Это у них называется «площадь».

В компании было шесть человек. Это много. Двое малолеток – наверное, им нет еще и пятнадцати, а вот остальные выглядят намного взрослей.

– Пойдем, пойдем, – сказали совсем близко, за спиной, и Стас вздрогнул, оглянулся.

Он не услышал, как сзади подошли еще двое, похожие друг на друга, словно братья – руки в карманах, кривая ухмылочка, мягкая кепка, надвинутая на прищур глаз. – Боишься, что ли?

Итого восемь.

Слишком много.

Но бежать он не мог.

– Пошли, – сказал один из братьев. – У нас там костер, шашлычок. Угостим, чего уж. Нам не жалко.

И Стас пошел.

Действительно, на костре жарилось мясо. Вокруг огня сидели хмурые парни, держа в руках проволочные вертела.

«Уж не хряк-ли Маши, хозяйки пивбара?» – подумал Стас, остановившись в трех метрах от костра. Подойти ближе он не решился. Те двое, что конвоировали его, присоединились к компании.

Его с интересом разглядывали.

– Это ты там играл? – спросил один из парней, рыжий, веснушчатый увалень в рваной фуфайке и резиновых сапогах.

– Я, – признал Стас.

– Много накидали?

– Три рубля.

– А налог?

– Что? – Стас сделал вид, что не понял, к чему клонит конопатый.

– Налог и плата за место. У нас теперь рынок, бесплатно ничего не делается.

– Я не знал, – Стас пожал плечами.

– Не знал?.. Но догадываться-то должен был. Верно я говорю, Серый?

– Точно, – подтвердил один из конвоиров. – Незнание закона не освобождает от ответственности.

– Денег у меня нет, – сказал Стас. – Было двадцать три рубля, но я на них хлеба купил.

– А у нас как раз хлеба нет. Мясо есть, а хлеба нема, – рыжий в притворной досаде хлопнул себя по широким бедрам, скорчил рожу, и все нестройно рассмеялись. Не смеялся один Стас.

– Сыграй нам тогда, – предложил рыжий. Он явно был здесь за главного. – Вместо платы. А если нам понравится, то мы тебя мясом угостим.

– Нет, – сказал Стас, – не могу, струна лопнула.

– Врешь. Нехорошо... Доставай гитару, поглядим, что там у тебя лопнуло.
– Вру, – согласился Стас, сделав маленький шагок назад. – Но играть не буду.
– Слышите, парни? Он не хочет играть. Упрямый! Что будем делать?
– Сделать ему испанский галстук, – предложил один из малолеток.
– Я сам сыграю, – хрипло сказал обритый наголо коротышка с наколкой «Женя» на мускулистом плече. – Дай сюда гитару.
– Я пойду, – сказал Стас, отступив еще на шаг.
– Никуда ты не пойдешь, – зло заявил конопатый. – Давай гитару. И мы тебя не тронем.
– Нет.
– Ты что? Не понял? Да кто ты такой? Ты, патлатый, мы же тебя быстро опалим, как поросенка. Будешь визжать, дергаться, да кто тебя услышит? Мы же прямо здесь тебя и зароем. Слышишь, ты, хиппи вонючий?

– Я не хиппи, – сказал Стас спокойно. – И даже не пацифист. А вонь здесь идет от вас, шакалы помоечные.

– Что? – Рыжий привстал. У всех остальных отвисли челюсти. – Что? – Он отбросил вертел с нанизанным на него куском мяса, шагнул вперед. В его глазах разгоралось бешенство. – Что? – еще раз спросил он и, стиснув кулаки, кинулся на Стаса.

Он был слишком медлителен и неловок. Стас легко увернулся от размашистого удара, поймал скользнувшую по плечу руку, слегка потянул на себя и ударил провалившегося противника ногой в живот. Рыжий, гортанно булькнув, сложился пополам.

Шпана растерялась.

Стас, воспользовавшись мгновением, подскочил к костру и сильным пинком швырнул пылающие доски, горячие угли и пепел в изумленные вытянувшиеся лица. Кто-то вскрикнул, кто-то опрокинулся на задницу, кто-то, напротив, вскочил на ноги – разглядывать было некогда и Стас, подхватив гитару под мышку, стремглав бросился к недалеким пятиэтажкам.

– Держите его! – сдавленно прорычал конопатый. – Не дайте уйти этой суке!

– Я ни черта не вижу! – истерически крикнул кто-то. – Мои глаза, вот черт!

Стас несся быстро, как мог. Рюкзак колотил его по спине, словно подгоняя. Тяжелый громоздкий футляр все норовил выпасть из рук.

– За ним! – шпана опомнилась. – Не уйдет! Перехватим его!

– Он мой! Я ему лично потроха выпущу! – орал конопатый.

У них были ножи, это несомненно. Самодельные финки с наборной рукояткой, с любовно выточенной ложбинкой кровотока на бритвенно остром лезвии.

«Псы с городских окраин, есть такая порода, – вспомнил Стас строку из песни. – С виду обычная стая, их больше от года к году...»

Пустьрь кончился. Стас перепрыгнул живую стену плотно посаженного шиповника и оказался на тротуаре, в окружении серых бетонных стен. Какая-то женщина взвизгнула, испуганная его неожиданным появлением, и зажала рот ладонями. Из ближайшего подъезда выглянул мужчина, стремительно наклонился, поднял с земли обломок доски. Три бабульки, сидящие на скамейке, синхронно повернули головы на шум.

– Извините, – Стас на секунду остановился. – Где здесь лесопилка?

– Там, – женщина махнула рукой.

– Спасибо, – он обернулся. Погоня приближалась. Преследователи больше не кричали, они бежали молча, ровно, их ярость прошла, уступив место целеустремленной злобе. Сейчас они действительно напоминали стаю бродячих псов, загоняющих подраненную, истекающую кровью жертву.

«...Ты шепчешь, они услышат...»

Мужчина с доской в руке только сейчас заметил преследователей и нырнул назад, в подъезд. Это дело его не касалось. Женщина тоже заторопилась, свернула с тротуара. Бабульки на лавочке равнодушно отвернулись. Сверху, с балкона, заверещал истошный голос:

– Павлик, немедленно иди домой!

Мальш, играющий в песочнице, поднял голову.

Стас понял, что помощи здесь ни от кого не будет и побежал дальше. Тяжелые ботинки бухали об асфальт, и отзвуки топота гулко плескались в серые стены домов.

За последней пятиэтажкой он увидел лесопилку – штабеля бревен, кран, упирающийся стрелой в небо, вздымающиеся железобетонные балки и раскинувшаяся поверху паутина тросов. А еще он увидел насыпь дороги. За ней ничего не было – ни домов, ни заборов, ни огородов. Только холмистые луга и затянутые туманным маревом перелески возле самого горизонта.

Город кончился.

Стас взбежал на полотно дороги. На ходу обернулся.

Преследователи и не думали сдаваться. Малолетки сильно отстали, но остальные были уже недалеко – метрах в сорока. Впереди бежал рыжий, в руке у него был нож.

Стасу приходилось тяжело. Футляр с гитарой сделался совсем неподъемным, ноги одеревенели, пот ел глаза, горло забила густая слизь, легкие горели, под ложечкой нещадно колело. Он понимал, что если преследователи не откажутся от погони, то через десять, пятнадцать минут они настигнут его, повалят на землю и начнут остервенело пинать, топтать, месить. Рыжий не удержится и пырнет ножом.

Конечно, можно сейчас остановиться, пока еще есть силы. Встать на середине пустой дороги, приготовиться к нападению. Ударом в висок вырубить первого подскочившего, следующему разmozжить голову металлическим ребром футляра. Останутся четверо – малолеток можно не считать... Хотя и у них, наверняка, есть ножи. И именно в них больше всего злобы.

Нет, драться нельзя. Слишком малы шансы на победу. Да и...

«...будь осторожен в нашем болоте...»

Он здесь чужой. Все прочие – свои. Здесь все друг друга знают. Каждый чуть ли не родственник соседу. И все здесь не любят чужаков. Тронь одного из них

«...блоха на заднице...»

и все остальные набросятся на тебя.

Одна надежда – убежать. Город вот-вот кончится. Псы почуют, что это уже не их территория и вернуться назад.

Знать бы только, где заканчивается их территория?

Десять-пятнадцать минут.

Стас больше не оглядывался. Он слышал топот преследователей и их тяжелое дыхание – этого ему было достаточно.

Тридцать метров.

Двадцать пять.

Обдав упругой горячей волной, оглушительно проревев двигателем, мимо пронесся грузовик. Стас шарахнулся в сторону, прижался к обочине. Ему стало смешно – если бы его сейчас сбilo машиной, что делали бы разъяренные преследователи с раздавленным, безжизненным телом? Пару раз пнули бы месиво мяса и костей и ушли, недовольные собой? Или, перетрусив, замерли бы в отдалении, смущенно перешептываясь, переглядываясь...

Двадцать метров.

Стас, собравшись с силами, прибавил ходу. Он неоднократно слышал всякие истории про «второе дыхание», но не верил им. Сколько он ни бегал – а бегать ему приходилось часто и, порой, до полного изнеможения, – никакого второго дыхания никогда не открывалось. Просто ноги сводила судорога, они заплетались, подкашивались, а режущая боль в подреберье заставляла сжиматься в комочек, в позу эмбриона...

Двадцать метров.

Они не отставали.

Лесопилка осталась далеко позади.

Он начал считать шаги, постепенно ускоряя счет. И темп.

Дорога шла по окраине городка. Справа, отступив от обочины метров на пятьдесят, тянулись сады и огороды, отмеченные прямоугольниками изгородей – словно маленькие феодальные княжества, богатые, бедные, с домиком-столицей в центре. А по левую сторону раскинулись холмистые луга. Асфальт дороги был границей между городом и свободой...

Стая и не думала отставать.

Проревев, навстречу пронеслась еще одна машина, дыхла в лицо горячим воздухом, и Стас едва не упал.

Пятнадцать метров.

Невообразимо тяжело.

Армейские ботинки, берцы, словно гири оттягивали ноги.

Футляр приходилось двумя руками прижимать к груди, хоть это и было страшно неудобно.

Стас больше не смотрел по сторонам, он глядел лишь себе под ноги. Только бы не запнуться!

Сзади надвинулась какая-то тень. Рывкнула из-за спины.

Опять грузовик. Что они разъездились?

Автомобиль снова требовательно рывкнул сигналом.

Стас отступил с асфальта, прижался к обочине. По песку бежать было неудобно. Он затылком чувствовал, как его неотвратно нагоняют преследователи. Он даже знал, куда придется первый удар – в ноги, по лодыжкам.

Ну что же ты? Проезжай!

Стас повернул голову.

«ЗИЛ» ехал рядом, не торопясь обгонять. И вдруг дверца его широко распахнулась, из кабины показалось дружелюбное загорелое лицо.

– За тобой? – прокричал водитель, кивая назад. – Давай, прыгай! Сможешь на ходу?

Стас оглянулся.

Десять метров. Совсем рядом.

Рыжий хищно ощерился. Лезвие финки блестело в кулаке. За предводителем, отстав на полшага бежали братья в мятых кепках. За ними неслись бритоголовый мускулистый коротышка с татуировкой на плече.

– Смогу, – выдохнул Стас, надеясь, что действительно сможет. Он забросил футляр в кабину, схватился за ручку открытой двери, подпрыгнул и вскочил на подножку.

Пять метров.

– Отрываемся! – весело сказал водитель и подмигнул Стасу. – Держись!

Двигатель взревел.

– Сука! – завопил рыжий, перекрывая отчаянным криком гул мотора. – Я тебя достану, гнида, слышишь меня!? Думаешь я тебя не найду?

Стас слабо улыбнулся. Он не думал, он был уверен, что рыжий его никогда не найдет.

– Залезай, – пригласил водитель, – не стой на подножке. А то еще на ГАИ нарвемся. Тогда придется тебе опять бежать.

– Спасибо, – выдохнул Стас. Он заполз в кабину, с трудом разместил громоздкий футляр, захлопнул дверцу. – Ты меня спас.

– Что у тебя там? Гитара?

– Гитара... – Стас заглянул в зеркало заднего вида. Маленькие фигурки безнадежно отставших преследователей яростно размахивали руками. Он сплюнул в открытое окно, и плевок унесло ветром, в сторону оставшейся ни с чем стаи. Стас негромко рассмеялся.

Водитель с интересом глянул на него, промолчал.

– Ушел, – сказал Стас, отдышавшись. – Уж и не надеялся, честно сказать.

– Чем ты им не понравился?

– А разве им можно чем-то понравиться?

Водитель одобрительно хмыкнул, оторвал от баранки руку и, протянув широкую ладонь своему новому попутчику, представился:

– Саня.

– Стас, – Стас пожал жесткую крепкую ладонь.

Наконец-то кончился и пригород. Дачные домики и земельные наделы, отмеченные изгородями, остались позади. По обе стороны дороги расстилалась равнина с редкими островками перелесков.

– Далеко едешь? – спросил водитель.

– В Сидельниково.

– Знаю, по пути, подброшу. Кто у тебя там?

– Никого нет.

– Чего ж ты там забыл?

– Вообще-то, я в Зону еду. Слышал?

– Слышал. А в Сидельниково тогда зачем?

Стас пожал плечами.

– Думал переночевать там, может и покормят.

– Да кто тебя к себе пустит?.. А если тебе в Зону надо, то поехали. Мне по пути.

– Далеко?

– Километров тридцать еще, может чуть поменьше. Через полчаса будем.

– Ты местный?

– Да, из этих краев. Десять лет тут водилкой работаю, все дороги знаю.

– И что у вас про Зону рассказывают?

– Ерунда это все! – водитель отмахнулся. – Сказки! Был я там, еще пацаном. Обычный лес, ничего особенного.

– Говорят, там люди пропадают.

– Пропадают, – согласился Саня. – Они везде пропадают. А там же болота кругом, торфяники. И лес дремучий... Видел когда-нибудь, как торфяник горит? Огня не видно, он под землей, кругом только дым плавает, горький, густой. А почва поверху тонкая. Ступишь на такое место – и, крикнуть не успеешь, провалишься в самое пекло. Ни трупа, ни следов – был человек и нету его...

Стас все никак не мог отдышаться.

– Говорят, что там электроника отказывает.

– Электроника везде отказывает, – хмыкнул Саня, – Вон я неделю назад магнитола купил, обмыть даже не успел, а она уже сломалась. Хорошо, хоть на гарантии... Хочешь мое мнение знать? Ерунда это все! Выдумки. Никакой Зоны нет. Вон, в районной газете недавно писали, приезжала экспедиция из Москвы, забрели в самый центр этой Зоны – хотя, кто его знает, где этот центр? Всяких приборов понаставили и целую неделю там комаров кормили, все ждали. И что толку? Собрались и уехали ни с чем... Открыватели хреновы! Только деньги впустую тратят... А тебе-то там что надо?

– Посмотреть хочу.

– Вот-вот, – недовольно заметил Саня. – Приходите смотреть, а потом вас с милицией ищут. Да еще говорят: еще одна жертва Зоны!.. И чего дома не сидится?

- Человек я такой, – сказал Стас, – не могу на одном месте.
- Ну и ехал бы куда-нибудь в горы или на море.
- Был я там.
- А у нас и смотреть нечего: болота и леса, комары, клещи да пиявки.
- Романтика! – усмехнулся Стас.
- Да уж...

Они какое-то время молчали.

За Сидельниковым – небольшим селцом с разоренной церквушкой, кончились открытые луговые пространства – к дороге подступили перелески. Верхушки деревьев мелькали на фоне неба, солнце словно бы бежало впереди машины, проблескивая в кронах.

- Значит, путешествуешь? – спросил водитель, открыв окно со своей стороны и закурив.
- Да.
- Работаете?
- Нет. Брожу туда-сюда, а при случае, когда деньги нужны, подрабатываю.
- Перекати-поле, – с легким осуждением в голосе заметил Саня.
- Что-то вроде.

– Каждому свое... Я бы так не смог – мне дом нужен, хозяйство. Жена, дети – семья. Без этого ты, вроде бы, и не человек.

– Каждому свое, – согласился Стас. – Натура у меня такая, не могу без движения. Постоянно куда-то тянет, особенно по весне. Выйдешь на свободу, глянешь на горизонт – и сердце замирает, словно зовет тебя кто-то оттуда, манит вдаль. День-два вытерпишь, ну, максимум, неделю и – прочь из дома. Зимой – на юга, к морю. А летом куда глаза глядят, летом легче...

– Бродяга, – сказал Саня. – У тебя, наверное, в роду цыгане были. Вон и на гитаре играешь.

– Но коней не ворую, – отшутился Стас.

– Так теперь и коней-то нет, как раньше, – Саня швырнул в окно искру окурка, поднял стекло, оставив маленькую щелку для свежего ветра. Сказал:

– Хотя место там, конечно, странное... Видел я однажды такое... – он покрутил головой. – Сам не знаю, может и привиделось... Недавно было, месяца три назад. Не больше. Ехал вот по этой дороге, вез песок с карьера. А уже поздно было, темно, лес кругом. Фары включил... – он смолк, задумался, смотря на гипнотически бегущее серое полотно дороги, словно восстанавливая в памяти картины случившегося. Стас молчал, ожидая продолжения.

– Зона-то, она километров на десять в стороне от дороги начинается, но все равно проезжаешь и невольно по сторонам поглядываешь, ночью-то, – Саня хмыкнул. – Видно здорово нас своими рассказами бабушки напугали в детстве, раз до сих пор боимся... Так вот, еду, плююсь на дорогу, по сторонам поглядываю, глаза тру, чтобы сон прогнать, и вдруг вижу – впереди на обочине какой-то человек стоит и вроде бы голосует. Фары светят далеко, но толком все равно ничего не видно. Я думаю: надо бы подбросить – и поговорить будет с кем, и человеку доброе дело сделаю. А сердце-то защемило, чую, что-то здесь не так! Что он тут ночью делает, недалеко от Зоны? Жутко!.. Подъезжаю ближе – уже вижу – спиной стоит, высокий – наверное, метра за два, – здоровый. И словно бы в шубу одет – это весной-то! Тепло ведь было... Я метров за десять слегка притормозил, и тут он поворачивается... Мать твою!.. Морда вся в шерсти, глаза в свете фар зеленым отсвечивают, как у волка, черная пасть и зубы – во! С мой мизинец... Я так и обмер, со всей дури по газам дал, проскочил мимо страшилища этого и до самого дома под сто двадцать гнал, остановиться не мог – чудо, что не разбился.

– И что это было? – спросил Стас.

– Откуда я знаю? Потом, поуспокоившись, я стал рассуждать и надумал три варианта: во-первых, почудилось мне все это. Я же почти засыпал, носом клевал. Вот и привиделось... Во-вторых, баловался кто-нибудь. Купили детишки страшную маску резиновую, сам видел –

продают такие, прихватили старую шубу, сделали какое-нибудь чучело или сами вырядились... Если так, то я ведь их и сбить мог...

– А третий вариант?

Саня пожал плечами, хмыкнул смущенно, неохотно процедил:

– Лешак... Прабабка моя рассказывала, их здесь одно время часто видели... Да ерунда все это! Привиделось мне, точно говорю!.. Но морду эту я никогда не забуду! Зубы – во! И глаза! Жуть!..

Перелески по обочинам сгустились, сомкнулись в сплошной лес, подступили вплотную в полотну дороги. Ивовые кусты карабкались на насыпь, словно штурмуя ее. Тени легли на потрескавшийся асфальт. Солнце уже почти совсем потерялось за деревьями, только порой тонкий лучик проблескивал в темной зелени крон. От неба осталась лишь синяя, шириной с дорогу, полоса высоко над головой.

– Скоро, – объявил Саня. – Не передумал идти?

– Нет, – твердо сказал Стас. – Не для того я сюда добирался, чтобы сейчас повернуть.

– Ну, смотри. Хозяин-барин... В общем так: как выйдешь, тебе надо будет перейти на ту сторону дороги. Там увидишь мосток через канаву и тропку. Пойдешь по ней через лес, смотри только с пути не сбейся – там рядом топь. Километров через девять будет маленькая деревенька, Торпухово. Не знаю, живет ли сейчас там кто, но дома-то, я думаю, стоят. Переночуешь, если не испугаешься, а утром, как солнце взойдет, можно будет и в Зону. Она километрах в четырех к северо-западу от деревни. Но, как стемнеет, там не ходи! Заблудишься, забредешь куда – пиши пропало! Места здесь дикие, лес, если к северу идти, километров на триста не кончается. Кабаны, лоси, волки, медведи – зверья дикого здесь полно.

– Ладно, – Стас улыбнулся, – не пугай.

– Я не пугаю. Предупреждаю просто.

– Спасибо за предупреждение.

– Если бабка Варвара Ивановна в Торпухове живет еще, передай ей от меня привет. Сашка Росточкий, она меня должна помнить.

– Хорошо.

– И не задерживайся ты там. Хоть и не верю я во все эти сказки, но... дыму без огня не бывает.

– Не буду, – пообещал Стас. – Посмотрю только и дальше пойду.

– Куда?

– Пока еще не решил. Куда глаза глядят.

– Если будешь мимо Минчакова проходить, заходи в гости. Спросишь, как найти, меня там все знают.

– Если будет возможность, загляну...

Минут пять они молчали, сказав все, что надо было сказать. Потом «ЗИЛ» сбавил скорость, остановился, и Саня протянул руку:

– Ну, счастливо!

– Бывай! Спасибо за помощь!

Они обменялись рукопожатием. Стас открыл дверь, спрыгнул на землю, поморщившись от боли в одеревеневших икрах. Саня подал ему гитару.

– Удачи!

– Пока!

Дверца захлопнулась, и машина, взревев двигателем, унеслась прочь. Стас проводил ее взглядом, не подозревая, что это последний автомобиль, который он видит.

Глава 2

Торпухово стояло в самой гуще леса, словно бы прячась от всего остального мира.

Добрых три часа Стас шел по едва заметной тропке, петляющей среди деревьев. Пару раз он терял ее, но, на счастье, тут же вновь находил. Порой под ногами чавкала болотная жижа, порой звуки шагов скрадывал толстый слой мертвой хвои.

Сбившись в очередной раз с тропинки, он забрел в заросли крапивы и какое-то время вслепую продирался сквозь высокую жгучую траву, выставив перед собой гитарный футляр. Деревню он заметил лишь когда запнулся о жердь старой, полусгнившей изгороди и, неловко взмахнув руками, повалился на влажную землю. Крапива расступилась перед ним, и он выпал в аккурат на потерянную стежку.

– Черт! – досадливо сказал Стас, почесывая обожженные запястья. Он встал и осмотрелся.

Во всей деревне было семь изб, причем только в трех еще могли жить люди. Остальные – с провалившимися крышами, покосившимися дворами, утонувшие в крапиве и кустах, явно были нежилыми.

За избами, возле леса, зеленели ухоженные грядки. Трава меж домами была тщательно выкошена. И значит, люди здесь есть, отметил про себя Стас. Кто-то еще живет в этом забытом богом уголке.

Стас направился к ближайшему дому. Не успел он сделать и трех шагов, как откуда-то выкатилась маленькая белая собачонка и завопила истошно, забегала кругами по выкошенному лугу, облаивая нежданного гостя. В окошке мелькнуло пятно лица. Мелькнула и пропало.

Стас остановился у высокого перекошенного крыльца, ожидая, что хозяйева сейчас выйдут. И он не ошибся. Скрипнула дверь, из избы выглянула старушка. Прищурившись, всмотрелась в Стаса, приветливо кивнула ему.

– Здравствуйте, – сказал он.

– Цыц, Малка! – прикрикнула старушка на собачонку.

– Варвара Ивановна? – спросил Стас.

– Что? – не услышала она, поднесла ковшик ладони у уху.

– Варвара Ивановна? – повысив голос, повторил Стас.

– Я, милый, я! – она закивала, улыбнулась, вышла на крыльцо.

– Вам привет от Саши Ростюцкого.

– От кого?

– Саша! Ростюцкий!

– Не кричи ты, сынок, так, курей напугаешь. Заходи-ка лучше. Дома поговорим...

В избе было на удивление чисто. Некрашенный пол, застеленный тряпичными вязанными дорожками, сверкал выскобленной белизной. На аккуратно заправленной кровати, спинки которой блистали никелем, громоздилась пирамида взбитых подушек. Белая русская печь, большая, в половину избы, казалась вырубленной из снега.

Стас встал в дверях, не решаясь топтать чистые половики своими пропыленными насквозь ботинками.

– Заходи, милый, заходи, – радушно сказала Варвара Ивановна. – Не стой на пороге-то.

Он разулся – носки были немного чище – снял рюкзак, положил его вместе с гитарой у порога и, немного смущаясь, прошел в комнату.

– Присаживайся, милый. Находился, небось, сегодня? Сиди, сиди! Отдыхай. Я щас чайку поставлю, водица у нас знатная, ключевая. Ты такой больше нигде не попробуешь... – Старушка ушла за занавеску, на маленькую кухоньку, застучала, зазвенела там чем-то и все бормотала весело, говорила что-то неразборчивое, радостное, легкое...

Стас присел на табурет, стоящий у окна, чуть сдвинул на подоконнике цветок, растущий в банке из-под зеленого горошка и выглянул на улицу.

Уже вечерело. Солнце клонилось к западу, медленно опускалось в лес, нанизывалось на острые вершины темно-зеленых елей. В небе появились облака, их рыбы животы золотились закатными отблесками, и Стас подумал, что ночью, возможно, пойдет дождь.

– Дождя бы не было, – сказался Варвара Ивановна с кухни. – Что-то ноги сегодня так и ноют, так и ноют... – Занавеска отдернулась, и появилась хозяйка с блюдом вареной картошки.

– Вот, чем богата. Покушай. Как звать-то тебя?

– Стас.

– Сейчас огурчиков с подпола достану. Молочка налью. Козье-то пьешь?

– Пью.

– Вот и ладно. Я ведь раньше коровку держала, а потом тяжело стало. Ей ведь и сенца надо сколько, и поило готовить. Морока сплошная! Теперь вот козу завела – травы накопишь чуть – и хорошо, в самый раз. А молочко хорошее, жирное. Я и творог их него, и сыр делаю. Сейчас, достану сыру-то, у меня цельный круг в подполье лежит, выстуживается, попробуешь. Только вот хлеба нет у меня.

– У меня есть, – сказал Стас. – Я принес.

– Вот и славно. Я уж сама сколько не пробовала хлебца-то. Самой делать лень – печь топить надо, тесто замешивать, а в село-то идти далеко. Раньше возили к нам, Степаныч возил, на лошади, а теперь кому мы тут нужны? – она махнула рукой. – Три старухи, да дед. Почта и то бывает не каждый месяц. Порой сама за пенсией-то ходишь, через лес, в село, на почту, к Марине. Так ведь и денег-то не всегда дают. Придешь, иной раз, а потом ни с чем домой возвращаешься. Летом-то еще ничего, а коли зимой? А весной, когда тут все затопляет, не пройти, не проехать?..

Стас вполуха слушал старушечьи жалобы и поглядывал по сторонам. Его внимание привлекли листки на бревенчатой стене, детские неумелые рисунки. Варвара Ивановна, заметив его интерес, довольно пояснила:

– Внуки рисуют. У меня двое их: Мишутка и Алешка. В селе живут, дочка моя, как замуж вышла, перебралась туда. Хорошо живут, все к себе зовут, дом большой у них, а я не могу. Здесь все как-то ближе, свое. Вся жизнь моя здесь. А там что?.. Нет, пока хожу, туда перебраться не буду. Так им и говорю. Пока ноги держат... – она спохватилась, всплеснула руками. – Что-ж я, старая, заболталась совсем! Картошка-то стынет. Сейчас огурчиков принесу, – она сорвалась с места, ускользнула за занавеску.

– Да не надо, я так поем. – сказал Стас ей вслед. – Спасибо.

Но она уже звякнула щеколдой, стукнула крышкой хода в подполье, с головой погрузилась во влажную, пахнущую прелью темноту.

Стас поднялся, подошел к входной двери. Достал из рюкзака буханку хлеба и маленький радиоприемник, вернулся за стол. Посидел какое-то время, затаив дыхание, прикрыв глаза и вслушиваясь в какую-то прямо первобытную тишину.

Клонило в сон.

На улице стрекотали кузнечики. Щелкали маятником ходики на стене. На кухонке, за занавеской негромко что-то потрескивало, должно быть горела лучина в самоваре. А внизу, под половицами, ходила Варвара Ивановна, бормотала чуть слышно, словно разговаривала с кем-то.

Наговаривала что-то...

Время остановилось.

Налилась тяжестью голова. Опухли веки.

Словно воск в горячей воде, растеклись мысли...

Она там одна.

Во тьме.

Среди седой паутины.

Бродит по бескрайнему подвалу в поисках выхода, натываясь на балки, проваливаясь в ямы. Из-под ног выпрыгивают слепые жабы. Наплывы ядовитой плесени слабо светятся на стенах.

Баба-яга...

Избушка на курьих ножках...

«Переночуешь, если не испугаешься...»

Стас спал, но часть его сознания бодрствовала...

Скрипнула дверь. Легкие частые шаги прошлепали по выскобленным доскам.

Что-то коснулось его ноги. Липкое, как паутина, холодное, словно жаба.

Волосатое, как тарантул.

И тотчас рядом оглушительно грохнуло.

Стас вздрогнул, едва не свалившись с табурета. Вздернул голову. Сон отлетел. Словно выброшенная на берег рыба трепыхалось сердце.

На какое-то мгновение ему показалось, что это вовсе не сон – липкое, холодное касание.

Ему показалось, что какая-то серая тень метнулась из-под стола и бесследно исчезла.

Показалось, что раздавшийся грохот это...

Из-за занавески вышла Варвара Ивановна. Она держала в руках тарелку с солеными огурцами и неровный круг сыра.

– Заждался?

Конечно же, это хлопнула тяжелая крышка люка в подпол!

– Вот огурчиков принесла.

Стас зевнул, помотал головой. Сказал, массируя кулаками глаза:

– Нож есть у вас? Давайте я хлеб порежу.

– Сейчас принесу, – хозяйка поставила тарелку с огурцами перед гостем, положила сыр.

Принесла с кухни нож с тонким источившимся лезвием.

– Долго вы там бродили, – сказал Стас, нарезая буханку щедрыми ломтями. – Я даже задремал слегка.

– Сыр искала, – объяснила старушка. – Я его у входа положила, приступочка там деревянная есть, а Хозяину, видно не понравилось. Оттащил в самый дальний угол. Проказничает.

– А где хозяин-то? – спросил Стас. – По делам ушел?

– Куда он уйдет? Здесь где-то.

– Так пускай ужинать идет.

– Ужинать? – Варвара Ивановна негромко засмеялась. – Так ты про деда моего, что ли?

Он пятнадцать годов как умер.

– А кто же?..

– Хозяин-то? Домовик. Хозяюшко. Кто ж еще?

Стас дернул рукой, едва не порезавшись. Вновь сердце провалилось куда-то, заколотилось, застучало, требуя выпустить его из тесноты грудной клетки.

А сон ли это был? Легкое касание, холодное и липкое. Тень, метнувшаяся в сторону.

Сон ли?..

– Так как там Сашка поживает? – словно ни в чем не бывало, спросила Варвара Ивановна.

– Какой Сашка? – механически переспросил Стас.

– Ростокский. Он ведь родственник мне. Дальний, конечно, но, какой-никакой, а родня.

– Нормально. Шоферит... И давно он у вас?

– Кто?

– Домовой.

– Дедушко-то? Да всегда был. Что за дом без Хозяина?

– Видели вы его?

– А как же, – Варвара Ивановна кивнула, – видела... А ты кушай, милый. Разговорами-то сыт не будешь. Вон и самовар закипел, сейчас чайку свежего заварю.

Она встала и вновь убежала на кухню.

Стас взял картофелину, откусил задумчиво.

Домовой. Неужели правда? Нет, не может быть! Выдумала пожилая одинокая хозяйка себе помощника, с ним не так скучно.

А касание?

Почудилось!

А леший, про которого говорил Саня? Тоже почудилось?

А Зона, где пропадают люди, где перестает работать электроника, где ночное небо порой светится золотом, где появляются странные миражи и слышатся необычные звуки?

Может все это как-то взаимосвязанно?

Странные следы, фотографии которых Стас видел в одном журнале. Огненные шары, парящие в воздухе. А теперь еще домовой и леший.

Зона. Что же это такое?..

– Вот и чаек поспел, – Варвара Ивановна принесла две кружки на блюдечках. – Я-то есть не буду, а чаю с хлебцем попою.

– У меня только черный, – сказал Стас.

– Ржаной-то он самый полезный... А ты ешь, милоч...

Они сидели до самого вечера, попивая чай и разговаривая. Когда стемнело, на огонек к ним заглянула соседка, Валентина Павловна.

– Здравствуйтесь, – поздоровалась она, без стука войдя в комнату.

– Здравствуйтесь, – сказал Стас.

– Присаживайся, Валя, – хозяйка освободила гостье свой стул, принесла с кухни табурет для себя. – Как твой-то?

– Спать лег. Завтра утром в село собрался, за покупками. Тебе надо чего?

– Сахару бы надо. Конфет каких подешевле. И хлебца бы.

– Скажу, купит.

– Про пенсию пусть узнает, когда нам получать.

– Это я ему уже наказала.

– Почту пусть поглядит. А то когда к нам почтальон соберется?..

Соседки все беседовали о своих делах, словно позабыв про Стаса, а он сидел тихо и слушал, слушал... Женщины жаловались на маленькую пенсию, на то, что людей в деревне не осталось, даже дачники теперь не приезжают, и детей на лето к бабушкам не привозят. Сетовали на то, что электричество стали часто отключать, иной раз на несколько дней, а керосин теперь купить большая проблема. Вспоминали старые времена, когда в деревне был колхоз, неподалеку стоял птичник и коровник, молодежь никуда не разъезжалась, до села была хорошая дорога и по ней два раза в неделю ходил автобус.

Потом соседка несколько раз прощалась, вставала и снова, вспомнив что-то, разговорившись, садилась. В конце-концов, попрощавшись окончательно, она вышла из избы. Варвара Ивановна пошла ее провожать, и они еще долго о чем-то говорили под окнами – Стас слышал их неразборчивые голоса. На улице было темно, в пустой избе стояла тишина. Стас, сидя у окна, не шевелился, почти не дышал, и ему вдруг сделалось жутко. Показалось, что он один во всей этой мертвой деревне, что никаких домов здесь нет, только сгнившие срубы с провалившимися крышами, а то, что он сейчас видит: стол с постеленной скатертью, большой шкаф, кровать с горой подушек, выбеленная печь – обман зрения, мираж. Ничего этого на самом деле нет – только голые черные бревна стен, мох и скользкая плесень. И словоохотливые старушки – это призраки, единственные жители этой давно обезлюдевшей деревни...

Стас почувствовал, как зашевелились волосы на голове. И, чтобы прогнать страх, он включил свой маленький радиоприемник.

Диктор объявил курс доллара, а потом долго и нудно рекламировал какое-то лекарство, но Стасу было все равно, что слушать. Лишь бы это был настоящий живой человеческий голос. Только бы не слышать звенящую, сводящую с ума тишину в доме.

– Холодно-то как сегодня! – Варвара Ивановна вернулась с улицы вместе с маленькой собачонкой. – И темно уже. Сколько времени?

– Половина двенадцатого, – сказал Стас, взглянув на свои часы.

Ходики на стене показывали полночь.

– Радио у меня не работает, сломалось что-то, – сказала хозяйка, переводя стрелки и подтянув опустившуюся за день гирию. – Проверить не по чему.

– Давайте, я посмотрю, – предложил Стас.

– Радио-то? Да ладно! – Варвара Ивановна махнула рукой. – На ночь-то глядя? Завтра поглядишь, если не передумаешь. А сейчас ложись-ка ты спать. Вон, вижу, глаза-то слипаются, красные совсем. Отдохнуть тебе надо. Где тебе постелить на полу или на печке?

– На полу, – сказал Стас и тотчас вспомнил холодное липкое касание. Его передернуло от отвращения. По коже холодной волной пробежали мурашки.

– Сейчас, – сказала Варвара Петровна. Она ушла за занавеску, скинула с печи большой матрас и лоскутное одеяло. Вернувшись в комнату, достала из шкафа серую простыню. Расстелила матрас в середине комнаты, накрыла простыней, сверху бросила одеяло. Сказала:

– Подушку сам бери на кровати, любую выбирай.

– Спасибо, – сказал Стас, чувствуя, что его непреодолимо клонит в сон. День выдался напряженный, он страшно устал, и теперь, до отвала наевшись, напившись горячего чая, он желал только одного – лечь, закрыть глаза и спать, спать, спать.

– Я утром уйду, – сказал он. – В лес.

– До утра дожить надо, – улыбнулась хозяйка, и он, в который уже раз, испугался – вспомнил и домового, и свои мысли про мертвую деревню, про призраков...

Глупости!

– Ты ложись.

– А вы? – спросил он, без стеснения снимая куртку и футболку, стаскивая джинсы.

– А я погожу. Радио твое хочу послушать. Ты только покажи мне, как его выключать.

– Вон той ручкой. Да-да... До щелчка...

Варвара Ивановна несколько раз щелкнула ручкой громкости, включая-выключая радиоприемник, довольно улыбнулась и повторила:

– Ты ложись...

Стас забрался под одеяло, поерзал на колючем, набитом соломе матрасе. Блаженствуя, вытянулся во весь рост, зевнул широко и долго. Сказал:

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – Варвара Ивановна сидела возле темного окошка и, склонив голову, зачарованно слушала голос из радиоприемника.

– ... в Ярославле и Рыбинске кратковременные дожди, ночью восемнадцать градусов, утром возможен туман... – успел услышал Стас и провалился в небытие.

Он очнулся, как ему показалось, почти сразу. Но свет был выключен, радио молчало, и непроницаемо черная ночь смотрела в незашторенные окна. Он перевернулся на бок, лицом к громадной печи, смутной сереющей во мраке. Прикрыл глаза и уже задремал, но тут в руку, лежащую поверх одеяла, ткнулось что-то мокрое и холодное.

Стас обмер.

Горло разом пересохло.

Сердце зашло ритмом отбойного молотка.

По руке проползло что-то влажное и шершавое. Словно... словно кто-то лизнул руку. Именно – лизнул!

Стас, не смея открыть глаза, медленно-медленно заполз под одеяло, втянул за собой онемевшую руку.

Кто-то живой, маленький прижался к нему и заскулил тихонько.

Стаса под одеялом бил озноб. Сонливость разом улетучилась. Он понял, что теперь не заснет, так и проведет всю ночь, просидит скрюченный под одеялом до самого утра. Если оно вообще наступит. Он понял, что ни в какую Зону завтра не пойдет, ни за что.

«Дожить надо...»

Скуление сделалось громче. Кто-то навалился на него сверху.

И вдруг громкий голос сказал:

– Цыц, Малка! Цыц, кому говорю! В угол иди, а то на улицу выгоню!

И Стас подавился истерическим смехом, он глотал рвущиеся звуки, икал, приглушенно фыркал и никак не мог остановиться.

Испугался крошечной собачонки! Это было невыносимо смешно, просто дико смешно, его разрывал хохот, но он жевал одеяло, не решаясь выпустить смех наружу.

– Тихо, Малка! Чего ты там? – скрипнули пружины кровати, и Стас представил, как Варвара Ивановна, приподнявшись на локте, вглядывается в темень.

Он высунул голову, выпростал из-под одеяла руки, нашарил кудлатую собачью спину, слегка погладил. Шершавый язык благодарно лизнул пальцы.

– Кыш! – грозным шепотом сказала Варвара Ивановна. Стас легонько подтолкнул собачонку, и та соскочила с одеяла, отбежала к порогу, цокая когтями по дереву половиц.

– Сиди там! – сказала хозяйка. – Спи! Что за беготня посреди ночи? Вот я тебе задам!

Вновь заскрипела кровать.

Стас улыбался.

Через несколько минут он вновь заснул, твердо решив, что никакие глупые страхи не смогут остановить его на пути в Зону.

Остаток ночи прошел спокойно. Только Малка, свернувшаяся клубочком у порога, иногда поднимала голову и, принюхиваясь, негромко скулила. Она слышала, как за стенами дома ходит кто-то большой и страшный, не зверь и не человек. Он дважды подходил к окнам, заглядывал в избу, и тогда Малка ворчала, скаля зубы. Она чувала неуверенность и страх этого страшного существа. Он был здесь чужаком. А она была дома. И поэтому она отважно скалилась в темноту. И поэтому, ближе к утру, существо убралось в лесную чащобу, туда, откуда пришло...

Стас проснулся, когда ходики на стене показывали пять минут седьмого. За окнами серела предрассветная мгла. На кухне за занавеской постукивала посудой хозяйка, стараясь шуметь как можно меньше, чтобы не тревожить постояльца. Кровать была заправлена, гора подушек громоздилась сверху. В комнате пахло блинами и керосином.

– «... в Японии произошло землетрясение. Сила подземных толчков составила четыре-пять баллов по шкале Рихтера...» – вещал из радиоприемника приятный женский голос.

Стас зевнул, потянулся. Перевернувшись на живот, несколько раз отжался, тыкаясь лицом в мягкую подушку. Сказал громко:

– Доброе утро!

– Встал уже? – откликнулась Варвара Ивановна. – Ранехонько! Что не спится-то?

– Кто рано встает, тому Бог дает, – ответил Стас.

– Это верно. А я вон тебе блинов напекла, муки у меня немного было. Хорошие блины, на простокваше, в городе таких не делают. Вставай, попробуешь.

– Сейчас, умоюсь только, – Стас выскользнул из-под одеяла, натянул джинсы и выбежал на улицу.

Было студено. От леса к деревне тянулись щупальца тумана. Жемчужно-матовая роса усыпала траву и листву деревьев. По небу в восточной стороне словно кто-то расплескал кровь – бордовые, алые подтеки на бледной синеве. Пламенеющий шар солнце не спешил выглядывать из-за леса, прятался за вершинами деревьев, а, быть может, и за линией горизонта.

Стас, ежась и охая, пробежался по холодной мокрой траве, поднырнул под низкие ветви растущий неподалеку рябинки, тряхнул ее. Выскочил словно ошпаренный из-под ледяного душа, запрыгал, растирая тело ладонями, смывая остатки вчерашней усталости. Взбодрившийся и посвежевший вернулся в избу. Тщательно вытер ноги о коврик у двери, сел за стол, рядом с лопочущим приемником.

Варвара Ивановна принесла тарелку со стопкой блинов, поставила перед гостем, села напротив, сказала:

– Не люблю на керосинке готовить. В печи все вкуснее получается. Да только топить ее – морока одна. Ладно зимой – там без этого нельзя. А сейчас – ленью. Да и тяжело, старая я...

– «... в очередной раз размер пенсий будет увеличен...», – сказало радио, и Варвара Ивановна насторожилась, замерла, прислушалась.

Стас тем временем поглощал невообразимо вкусные блины.

– Большая ли у вас пенсия? – спросил он, когда диктор закончил говорить и пригласил к микрофону известного политика.

– А! – отмахнулась хозяйка. – Какое там! Триста рублей с копейками. Вон у Валентины почти полторы тыщи, так она воевала...

По радио обсуждали грядущее повышение пенсий.

– Политиканы хреновы, – пробормотал Стас. А Варвара Ивановна все говорила:

– Ветеранам-то сейчас хорошо платят. А я что? Всю жизнь в колхозе, птичницей... – она стала вспоминать старые времена, называла какие-то имена, фамилии, жаловалась на председателя, который давным-давно умер. Стас внимал, то и дело кивая, но пропускал все мимо ушей. Он думал о том, что пора выходить.

Зона ждет.

– Спасибо за угощение, давно так вкусно не ел.

– Все уже, что ли? – всполошилась хозяйка. – Ты ж и не съел ничего.

– Больше не лезет, – Стас в подтверждение слов похлопал себя по голому животу. – Да и идти мне пора. Только давайте, гляну радио ваше, как обещал вчера. Что там у него сломалось?

– Кто его знает... – Варвара Ивановна залезла в шкаф, достала со дна картонной коробки старинную радиоточку с потрескавшимся корпусом из синей пластмассы, положила на стол. Впросительно глянула на гостя: можно ли здесь что-то сделать?

– Отвертка есть у вас?

– Откуда, сынок?

– Ножик какой-нибудь подходящий.

– Сейчас, – Варвара Ивановна принесла с кухни своей единственный нож с истершимся лезвием. – Вот.

– Пойдет. – Стас вывернул шурупы, снял заднюю панель, рукой собрал густые пыльные тенета с высохшими скелетиками пауков. Спросил:

– Розетка-то где?

– А вот, под столом, на стене.

Он воткнул вилку в розетку – тишина.

– Может у вас провода перерезали?

– У соседей работает.

Стас послунывил пальцы и коснулся контактов первичной обмотки трансформатора. Напряжение было. Он, выключив трансформатор из схемы, накоротко перемкнул контакты.

– «...московское время семь часов...» – громко, чуть хрипя сказало радио.

– Ой! – всплеснула руками Варвара Ивановна. – Заговорило!

– В трансформаторе обрыв, – сказал Стас. Он, аккуратно оторвав припаянные проводки, зачистил их и примотал так, чтобы сигнал через переменный резистор шел прямо на динамик, минуя испорченный трансформатор. – Теперь все отлично. Даже громкость работает, – он продемонстрировал. – Но на полную мощность лучше не включать.

– Не буду, – с готовностью согласилась Варвара Ивановна, – Спасибо тебе, Стасик! Руки твои золотые! Хорошо-то как! А то ведь мне совсем дико, без радио, без телевизора. Все теперь не так скучно будет. Голос человеческий в избе.

– Вам спасибо, – сказал Стас. – Накормили, приютили, а ведь я для вас совсем чужой.

– Полно! – хозяйка отмахнулась. – Кто к нам заглядывает, порой милей родного... Хотя рубаха-то у тебя страшная.

Стас улыбнулся. «Страшная» футболка висела на спинке стула – острые буквы AC/DC пронзали глазницы черепа, бушующее адское пламя рвалось из оскаленной пасти, кровь стекала с хищных клыков, капала на скрещенные электрогитары, по струнам которых вились вспышки электрических разрядов.

– Грешно такое на себе носить, – Варвара Ивановна покачала головой. – Ну да Бог тебе судья, а я вижу – человек ты хороший. Куда идешь, не спрашиваю, но пусть в дороге твоей все будет гладко.

Стас через голову натянул футболку, надел кожанку, подхватил рюкзак, положил на место свой радиоприемник.

– Пора мне.

– Возьми с собой блинков-то. Я себе еще напеку, тесто осталось. И сыр возьми, что вчера не доели. Это тебе вместо платы, за радио.

– Спасибо, – Стас не стал отказываться, запас карман не тянет, сложил все в целлофановый пакет, убрал в рюкзак. – Спасибо большое, Варвара Ивановна. Возвращаться буду, обязательно к вам зайду, – он взялся за гитарный футляр.

– Не загадывай, – отозвалась хозяйка.

Она проводила его, провела через темные сени, вывела на крыльцо. Махнула рукой вслед:

– Будь осторожней, лешак у нас здесь ходит. Не зли его, в лесу не шуми, деревья не порти.

– Хорошо, – Стас сбежал по ступеням, на ходу обернулся, кивнул.

Варвара Ивановна стояла на крыльце, босая, простоволосая, взволнованная. Стас видел, как в уголках ее глаз блестят росинки слез. Он поднял руку, сжал кулак:

– Счастливо оставаться! – развернулся и торопливо пошел по выкошенной лужайке мимо покосившихся, заброшенных изб к лесу. Он не любил долгих прощаний.

Перед тем, как войти в лес, он обернулся.

Варвара Ивановна все стояла на ступенях. Встрепанная Малка носилась кругами у заднего двора, облаивала копошащихся кур. Чуть в стороне вышагивал гордо самодовольный петух, грозно поглядывая в сторону бестолковой собачонки.

Деревенские дома жалобно смотрели на уходящего гостя, и в стеклах окон пламенели отсветы багряной зари.

Глава 3

Лес дышал.

Трепетали чуткие осины, вздыхали под порывами налетающего ветерка березы, кряжистые дубы перешептывались с небом сотней голосов. Поскрипывали, кряхтели скрестившиеся подгнившие стволы. Сухо шуршали отмершие косы хмеля.

Где-то совсем рядом выстукивал звонкую дробь дятел. Подальше две кукушки завели неспешную переключку. Сороки, завидя приближающегося человека, взбалмошно трещали, скакали следом за ним по ветвям деревьев, оповещая весь лес о приходе чужака.

И только редкие мрачные ельники сурово молчали. Почву здесь покрывал толстый слой осыпавшейся сухой хвоей, гасивший любой звук, идущий понизу. Широкие зеленые лапы, поросшие у стволов лишайником, отлавливали звуки, идущие сверху. Тесно сомкнувшиеся замшелые стволы не пропускали безжизненные отголоски, чудом прорвавшиеся сквозь плотную оборону. Даже свет не мог пробиться к корням, к земле, и потому здесь почти ничего не росло – только мхи, бледные грибы и наплывы лишайника.

Ельники Стас старался обходить стороной. Не по душе ему было их могильное молчание.

Полтора часа он пробирался на северо-восток, ориентируясь по все поднимающемуся солнцу, многочисленным муравейникам и встречающимся иногда кварталным столбам.

Что он надеялся увидеть в Зоне?

Он сам не знал.

Зачем он шел туда?

Просто потому, что идти всегда надо куда-то, ради чего-то. Бессмысленно блуждать бесцельно, глупо идти лишь ради того, чтобы просто идти. Всегда надо стремиться к некой цели. А почему Зона не может быть такой целью?

Тем более, что втайне он надеялся разгадать ее загадку.

Он надеялся увидеть что-то такое, что сможет объяснить все истории, слышанные им раньше. Истории про странные видения и необычные звуки, рассказы о диковинных следах и таинственных фигурах, приходящих из ночи.

А быть может ему удастся найти кого-то из пропавших людей? Или...

Или самому пропасть?

«И не задерживайся ты там. Хоть и не верю я во все эти сказки, но...»

Нет дыма без огня, сказал водитель Саня.

Стоит человеку оказаться одному в глухом лесу, и он начинает верить во все эти сказки. И, более того, он сам начинает их выдумывать.

А уж когда приходит ночь...

Оборотни и мертвецы-кровососы, восставшие из могил. Снежный человек и злобные инопланетные пришельцы, сошедшие с летающих тарелок. Сказки прошлого и сказки настоящего. Что между ними общего?

Страх!

Первобытное чувство – единственное по-настоящему волнующее кровь.

Не любовь, не ненависть... Страх!

Только ради него люди карабкаются на отвесные скалы, совершают затажные прыжки и погружаются в бездонную пучину.

Ради него забившиеся под одеяло дети рассказывают друг другу жуткие ночные истории.

Страх смерти и страх неизвестного – два родственных вида страха.

Глупцы надеются перебороть свой страх и стать сильней.

Да, можно привыкнуть к смерти, можно научиться не бояться ее. Но неизвестное всегда будет пугать.

Страх живет в каждом. Он только ждет подходящего момента, чтобы вскипеть в крови и полностью подчинить себе человека.

Страх нельзя победить.

Но можно научиться жить со своим страхом...

Не за этим ли я иду? – подумал Стас. – Наверное, нет. Просто мне любопытно...

А может быть, да. Ведь ему нравилось чувствовать, как замирает сердце, как холодеет в желудке, и кровь отливает от лица.

Он знал, что банда хулиганов может убить – этого он не желал, но уже не боялся.

И он верил, что Неизвестность убить не может. Неизвестность способна лишь напугать. Здорово напугать!

Именно Неизвестность манила его, звала из-за недостижимого горизонта, тянула к себе. Ради нее он и шел.

А в Зоне, он предвкушал это, ее было хоть отбавляй...

Чем дальше Стас уходил, тем непроходимей становился лес. Поваленные стволы и выкорчеванные коряги преграждали путь. Вросшие в землю, спрятавшиеся в траве бревна исподтишка били по ногам. Сухие острые ветки цеплялись за одежду, за рюкзак. Низкие сучья норвили вырвать из рук футляр с гитарой. Лианы сплетающегося хмеля образовывали настоящие сети, сквозь которые можно было прорваться только с помощью мачете.

Мачете у Стаса не было.

У него вообще не было никакого оружия, только маленький походный топорик в отдельном узком кармашке рюкзака и складной нож в заднем кармане джинсов.

И еще прочный гитарный футляр, ударом которого, при некоторой сноровке, можно было проломить человеческий череп.

Но в настоящий момент громоздкий футляр только мешал...

Стас в очередной раз споткнулся и не упал лишь потому, что успел свободной рукой схватиться за ствол тонкой осинки. Он ругнулся в полный голос и в этот самый момент почувствовал нечто такое, что мороз пробежал по коже и волосы поднялись дыбом.

«Не зли его, в лесу не шуми...»

Затылком он почувал колючий взгляд.

«Будь осторожней, лешак у нас здесь ходит...»

Он услышал, как хрустнула ветка в нескольких шагах позади. И кто-то – что-то? – всхрапнул по звериному.

Стас мгновенно обернулся и увидел, как из-за дубового ствола в сторону густого орешника метнулась высокая фигура. Он не рассмотрел как следует своего преследователя, тот двигался слишком быстро, но успел заметить, что у существа короткие ноги, длинные, до колен, руки и непропорционально маленькая, словно бы приплюснутая голова. Все тело неведомого создания покрывала густая коричневая шерсть... Орешник вздрогнул, гибкие ветки сомкнулись, пряча за собой существо.

Стас, замерев на месте, стиснув в руках тяжелый футляр, долго стоял и смотрел на плотный занавес кустарника.

Медведь?

Скорей обезьяна.

Огромная обезьяна, не горилла, не орангутанг – откуда им здесь взяться?

Неужели йетти, снежный человек?

Или... лешак?..

Он не испугался сразу, должно быть потому, что подсознательно ждал чего-то подобного, был готов к неожиданным встречам и, более того, желал их. В лесу было светло, солнце только поднималось, пятна света скакали по траве, трепыхались, запутавшись в кронах дере-

вьев. Щebetали пичуги, трещали длиннохвостые сороки, дятел барабанил по сухому стволу. Все было спокойно, совсем не страшно.

«Обычный лес, ничего особенного.»

И все же...

Стас чувствовал взгляд.

Лешак не ушел, только спрятался. Должно быть засел в этих кустах. Сидит там и смотрит неотрывно на забредшего в его владения чужака.

Где-то в области живота медленно закипал страх, лопающимися колючими пузырьками поднимался к сердцу, к горлу, растекался холодом...

– Успокойся! – вслух приказал Стас себе. – Еще минута подобных мыслей, и ты завопишь и побежишь без оглядки куда глаза глядят. Веди себя спокойно!

«Не зли его...»

Он заставил себя повернуться спиной к кустам, затылком ко взгляду. Медленно пошел на северо-запад.

Если бы это существо хотело бы убить его, то оно сделала бы это сразу, – успокаивал Стас себя. А оно прячется – боится? Следит исподтишка...

Но страх не отпускал.

Вернуться назад, пока еще не поздно?

Но до Зоны, по прикидкам Стаса, оставалось минут двадцать ходу, максимум полчаса.

Только одним глазком глянуть. И сразу назад. Солнце стоит высоко, если поторопиться, то уже к обеду он вновь будет в Торпухове, в избе Варвары Ивановны, они будут слушать радио, лениво разговаривать и пить горячий чай с блинами.

Главное не бежать! Главное не поддаться панике, не сбиться с дороги!

Двадцать минут, максимум полчаса.

А может уже сейчас, за теми можжевельновыми кустами.

Или чуть дальше.

Ну, где же эта Зона?..

Стас знал, что именно он увидит, войдя в Зону. Он читал отчеты многочисленных экспедиций, газетные статьи, видел фотографии – переломанный, искореженный неведомой силой лес, переплетенные, скрученные стволы, множество мертвых деревьев, голые проплешины, на которых не растет даже мох, и черные огромные валуны, утонувшие в земле так, что только покатые макушки высовываются наружу...

Взгляд буравил затылок.

Снова за спиной хрустнула ветка.

Его продолжали преследовать.

Стас не оборачивался, шел все быстрее.

Совершенно некстати он вспомнил прочитанное где-то утверждение, что все кошки нападают на свою жертву исключительно со спины – и индийские тигры, и рыси, и домашние кошки. Они впиваются в шею и сильно, так, что ломаются позвонки, встряхивают пойманную добычу.

Но за ним следит не кошка. Его преследует примат.

Гоминид.

А как нападают они?..

Стас не выдержал, оглянулся.

Сперва он ничего не заметил и вздохнул облегченно, но вдруг в высоком можжевельнике шевельнулось что-то.

Страх взбурлил в желудке. Сдавил сердце холодной когтистой лапой. Ноги сделались ватными.

Над можжевельновыми кустами, метрах в пятнадцати от Стаса поднялась кошмарного вида голова.

«Морда вся в шерсти, глаза в свете фар зеленым отсвечивают, как у волка, черная пасть и зубы – во! С мой мизинец...»

Маленькие глазки под массивными надбровными дугами недобро смотрели на Стаса.

Снежный человек – или кто он там? – больше не прятался. Он поднялся в полный рост, развернул широкие плечи, протянул могучую руку по направлению к человеку. Пасть разверзлась, исторгнув глухое ворчание.

Стас отступил на шаг, уперся спиной в дерево.

Ломая кусты, огромный гоминид направился к оцепеневшему человеку.

Стас не выдержал и, поддавшись нахлынувшей словно цунами панике, завопил во весь голос.

Существо чуть присело, остановилось, нахмурилось, склонило плоскую голову, словно бы прислушиваясь к пронзительным звукам. Рывнуло, прорычало, и – странное дело! – рев его звучал вполне членораздельно.

Стас отпрыгнул в сторону, развернулся и бросился бежать. Но тут под ноги ему попала коряга, он запнулся, кувыркнулся и со всего маху полетел на землю. Он успел увидеть, что падает лицом прямо на черный плоский камень, торчащий из земли, но увернуться, сгруппироваться уже не мог, руки у него были заняты гитарой, и черный камень неотвратимо надвинулся на него, застлал собой мир, ударил в лоб и рассыпался искрами.

Стас потерял сознание.

Гоминид, взрыкивая, подошел к безжизненному телу, присел на корточки, принюхался. Легонько коснулся лапой лежащего человека, осторожно толкнул, словно желая разбудить. Подсунув лопату ладони под живот, легко перевернул Стаса лицом вверх. И вдруг, увидев что-то, испугавшись, вскочил на ноги, отпрыгнул, оскалился, заворчал, замотал головой. Не отрываясь, косматый гигант смотрел на черную футболку с буквами-молниями «AC/DC», с черепом и скрещенными, залитыми кровью гитарами. Он смотрел глазками, полными вполне человеческого ужаса и пятился, пятился... Отойдя на несколько метров, великан развернулся и торопливо скрылся в можжевельнике. Затрещали, ломаясь ветки – гоминид убежал от беспомощного, бессознательного человека.

Отбежав на достаточное расстояние, гигант немного успокоился, пожевал листья папоротника, растущие под ногами, и, поминутно фыркая, встревоженно оглядываясь по сторонам, направился на северо-запад, к своему логову, в месиво искореженных деревьев, к черным камням своей родины...

Раскалившееся солнце незаметно минуло зенит, и медленно покатилося к западу.

Лес затаил дыхание.

Жаркий воздух был недвижим. Деревья утихли, уняли свой шепот. Смолкли трескучие сороки, убралась куда-то по новым делам. Утихомирился дятел, смолкли кукушки. Только жужжали мухи, и в тени надоедливо зудели комары, держась поближе к влажному, не просохшему еще мху...

А потом вдруг из-за деревьев пополз холодный туман: сперва заволок землю, потом стал подниматься вверх. Налетел ледяной ветер, взъерошил зеленые кроны, проредил листву, рассыпал по густой траве перхоть снежинок.

Встревоженная синичка выпорхнула из дупла, села на ветку, пискнула удивленно и, сорвавшись с места, полетела прочь, к теплу и свету. Колючий ветер кинул ей вслед заряд ледяной дроби и набросился на стонущие деревья...

Стас открыл глаза и вместо черного камня увидел серую пелену.

Его подташнивало. Саднил лоб. Ныла ушибленная нога. И было страшно холодно.

Он застонал, приподнялся, удивленно осмотрелся.

Снег!

Неужели он несколько месяцев пролежал без сознания в этом лесу? На подступах к Зоне? Возможно ли?

Но под ногами была зеленая трава, хоть и припорошенная снегом. И, значит, сейчас по-прежнему лето.

Он поднял тяжелую руку, посмотрел на часы. Электронный календарь показывал все тоже число, тот же месяц и день недели. Если верить цифрам на жидкокристаллическом индикаторе, без сознания он находился менее трех часов.

Снег. Колючий зимний ветер. Плотный туман.

Откуда?

Что происходит?

Неужели Зона?

Наверняка!

А йетти?

Стас подтянул ноги, сел. С трудом выпутался из лямок рюкзака, достал топорик – жалкое оружие, но лучшего нет.

Снег летел отовсюду, он кружил в воздухе, бил в лицо, лепился к ветвям деревьев, к зеленым листьям, падал на траву, спекаясь жесткой коркой. В густом тумане ничего нельзя было разобрать: лес, небо, солнце – все исчезло, остались лишь смутные тени ближайших деревьев и клочок земли под ногами.

Стас не был уверен, что он находится на том же месте, где потерял сознание. Может быть это жуткое существо оттащило его куда-нибудь? Иначе почему он очнулся лицом к небу?

Черный камень!

Он сел на корточки, застывшими пальцами стал разгребать жесткий снег вокруг себя. И почти сразу наткнулся на плоский булыжник, о который разбил лоб.

Значит, он все на том же месте.

Значит северо-запад там.

Там ли?

Стас поднялся.

На сегодня хватит. Надо идти назад. В деревню, в теплую избу, к Варваре Ивановне, к бестолковой Малке, к копошащимся в земле курам, к расшаркивающемуся петуху, к парному козьему молоку, к голосам, звучащим из радио... Надо идти в лето.

Зона подождет.

Он непослушными корявыми пальцами застегнул куртку. Вытащил из рюкзака легкий плащ из полупрозрачного пластика, накинул на плечи, натянул на голову капюшон.

Теплее не стало.

Надев рюкзак и подхватив гитару, Стас двинулся в путь.

Он не подозревал, что по-прежнему приближается к Зоне. Падая, Стас потерял правильное направление, и, кроме того, великан-йетти, переверачивая его на спину, немного его развернул.

Стас думал, что возвращается в деревню.

На самом деле он шел к северной границе Зоны. Именно туда, откуда приполз туман, откуда холодный ветер наносил колючий снег.

Стас шел быстро, то и дело запинаясь, падая. Ветви деревьев, неожиданно появляясь из тумана, хлестали его по лицу, хлопали по пластику плаща, сбрасывали на голову смерзшиеся комья снега. Несколько раз он проваливался в невидимые ямы, нога застревала в валежнике, и только благодаря прочным, высоким, накрепко зашнурованным ботинкам он не вывихнул лодыжку. Конечно, ему следовало идти медленней, осторожней, пробуя каждый шаг, но Стас все больше замерзал, а движение согревало.

Он не мог остановиться. Не мог замедлить движение.

Он шел и шел, забросив гитару за спину – она мешала, болталась, била по бедрам и ягодицам – но ему необходимо было, чтобы обе руки оставались свободными: в одной он держал топор, а другую вытянул перед собой, прощупывая путь и одновременно прикрывая глаза.

Потом он запел песню, стараясь перекричать гул невидимых деревьев, скрежет гнувшихся стволов, посвист ветра в кронах. И свой страх.

– Эх, дороги – пыль да туман, холода, тревоги, да степной бурьян...

Он вымок – только ноги, обутые в берцы, оставались сухими. Продрог. Устал. Проголодался.

Остановиться он не мог.

– ...А кругом земля дымится – чужая земля...

Он шел и шел, не догадываясь, что все больше удаляется от деревни.

Лес изменился. Корявые, скрученные неведомой силой деревья торчали в пьяном беспорядке. Мертвые стволы вздымали к небу скорченные руки голых сучьев. Местами выглядели из-под снега черные покатые камни, похожие на макушки гигантских черепов, увязших в земле. Но Стас ничего этого не видел за плотной завесью тумана, за кружевом бушующей метели.

Он не заметил, как вошел в Зону.

И продолжал двигаться дальше.

Он направлялся точно к логову снежного человека.

В какой-то момент Стас поднял голову и увидел размытое пятно солнца. Светило было именно там, где, по его расчетам, и должно было находиться. Утвердившись в верности выбранного направления, Стас ускорил шаг.

Но это было другое светило.

Настоящее Солнце находилось в другой стороне.

А Стас все шел, шел, уже почти бежал, гадая, почему вьюга становится все злее, почему не прекращается снег, почему падет температура.

Где деревня?

Куда исчезло лето?

Сколько вообще прошло времени?

Он взглянул на часы – индикатор моргал бессмысленными точками и черточками.

И тут он уткнулся в огромный черный валун, торчащий из запорошенной снегом земли.

На какое-то мгновение туман раздернулся, словно тюлевая занавеска, и Стас увидел горные пики, загораживающие половину неба. Серая мгла вновь сомкнулась, спрятав призрачный скалистый хребет.

Откуда здесь горы?

Мираж? Видение?

Неужели Зона?

Конечно, Зона! Он каким-то образом сбился с пути и забрел в эпицентр странных событий!

В место, где отказывает электроника, где из-под земли растут черные камни, где жаркое лето в считанные мгновения сменяется снежной зимой, где в разрывах тумана показываются призрачные горы. Место, где бродит йетти-леший, и откуда в близлежащую деревню приходят домовые...

А еще, где пропадают люди, – услужливо подсказал внутренний голос.

– Черт, – выругался Стас почти беззвучно – посиневшие губы едва шевелились.

Он уже не чувствовал ног. Правая рука еще кое-как держала обрезиненную рукоять топора, но сумей Стас разжать пальцы, он уже не смог бы вновь сжать их в кулак. Волосы на испаранном лбу смерзлись в сосульки, кожа покрылась ледяной коростой. Он дрожал. Трясся.

Замерзал.

Силы покинули его, как только он осознал, что все это время шел в неверном направлении.

Что делать?

На что теперь надеяться?

Разве только на то, что снег прекратится так же внезапно, как и начался. Что лето вернется.

А если нет?

Тогда ты замерзнешь, – равнодушно сказал он себе. – Скорчишься на снегу, и пурга будет заметать тебя, швырять горстями ледяную картечь, пока не нанесет снежный могильный холмик. Вот тогда она и уляжется.

– Нет! – вслух сказал Стас. – Не время сдаваться!

Он осторожно двинулся вперед, внимательно вглядываясь в серую мглу. Он высматривал подходящее дерево. Из тумана высывались корявые сучья, тянулись к нему. Кривые стволы тенями проглядывали сквозь беснующуюся муть. Хрустел под ногами валежник, засыпанный снегом.

Стас искал березу и ель.

Он сделал несколько шагов и попал в колючие объятия лапника. Пахнуло хвоей и смолой. Он, не отходя далеко, обошел елку по кругу и наткнулся на березовый ствол, сухой, уже подгнивающий, с отстающими полотнищами бересты. То, что надо!

Стас положил гитару на снег, с трудом разжал кулак, выронил топорик. Сунул задеревневшие руки под ремень джинсов, в промежность, сдавил меж бедер, отогревая. Пальцы заныли, отходя, но Стас терпел боль, пританцовывая на месте и ругаясь сквозь стиснутые зубы.

Вскоре пальцы вновь стали гнуться.

Он поднес отогревшиеся ладони к лицу, дыхнул на них. Поднял топорик и, орудуя углом лезвия, стал торопливо отдиравать легко отслаивающуюся бересту. Через несколько минут пальцы опять заledenели, и Стас был вынужден остановиться, вновь сунуть руки под одежду.

Ободрав почти весь ствол, он притоптал снег вокруг, сложил бересту кучкой под мертвым деревом, несколько кусков отбросил в сторону – на тот случай, если с первого раза костер развести не получится. И, словно слепец выставив перед собой руку с топором, направился в сторону ели, смутно проглядывающей сквозь мглу.

Он остервенело рубил колючий лапник и даже немного согрелся, работая. Каждый удар отзывался болью в онемевших пальцах. Снег падал на капюшон, сыпался за шиворот. Колючие ветки царапали руки и лицо, но он не обращал на это внимания.

Увлечшись работой, он забыл, в какой стороне лежит грудa бересты и потом долго искал ободранный березовый ствол, бродил вокруг, боясь уходить далеко, вновь коченея и потихоньку начиная паниковать. Потом вдруг запнулся обо что-то, наклонился, увидел гитарный футляр, запорошенный снегом. Рядом была и потерянная береста. Сколько раз он проходил мимо этого места, ничего не видя в мельтешащей мгле?

Стас долго таскал лапник к будущему кострищу. Закончив, выкорчевал из-под снега пару толстых коряг, обстучал обухом топора, сбивая намерзший снег. Присел на гору лапника, скорчился, сунул руки в джинсы, подождал, пока пальцы вновь обретут чувствительность. Стал ломать тонкие сухие ветки, класть их поверх бересты. Потом прикрыл все зеленым лапником, придавил смолистую пружинящую шапку узловатыми корягами. Достал из кармана зажигалку, купленную в полуподвальном магазинчике – как же давно это было! Затаив дыхание, чиркнул колесиком.

– Проклятье!

Зажигалка не работала.

Он потряс ее, сжал в ладони, пытаясь согреть, подышал. Пробормотал просительно:

– Давай же!

Но зажигалка не работала.

С каждой секундой он все больше коченел. Единственное спасение – огонь.

Стас расстегнул ремень, сунул руку с зажигалкой меж ног, зажал бедрами. Долгую минуту сидел, трясаясь от холода, а потом, вытащив из-под одежды чуть отогревшуюся руку, с замиранием сердца чиркнул металлическим колесиком. И – чудо! – маленький огонек вспыхнул в кулаке. Трепыхнулся и исчез, сбитый порывом ветра.

Стас, не медля, наклонился к сложенному костру. Чуть приподняв шапку лапника, поднес зажигалку к бересте, прижал колесико большим пальцем.

Вырвавшийся маленький огонек осторожно лизнул сухую полоску коры, словно пробуя ее на вкус – и ему понравилось. Он накинудся на корчащуюся бересту, разбежался по тонким смолистым веточкам, жадно вгрызся в свежую хвою.

Стас осторожно убрал руки из огня, поправил лапник, положил сверху еще несколько колючих ветвей, прижал их ладонями, чувствуя поднимающееся тепло. Пурга накинудась на еще не разгоревшийся костер, но плотный лапник надежно защищал огонь, укрывая его со всех сторон. Тонкая струйка дыма просочилась со дна, затрепыхалась на ветру. Стас сунул руки в теплый дым.

Через несколько минут вслед за дымом пробилось наружу и пламя, весело затрепетало на воздухе алыми языками. Хвоя с треском корчилась, чернела, таяла. Занялись тяжелые коряги. Жар плеснул Стасу в лицо, стянул кожу, и он немного отстранился. Подумал о том, что надо принести еще дров, но не двинулся с места. Он смотрел в плещущее на ветру пламя и, жмурясь, грелся, грелся, грелся... Наслаждался живым теплом...

Теперь все будет хорошо, он не сомневался.

Все также бушевала пурга, непроглядный туман скрывал мир, где-то неподалеку бродил огромный леший, Зона, возможно, таила еще какие-то сюрпризы, но Стас знал – теперь все будет хорошо.

Он все же заставил себя подняться, отошел на несколько метров, выискивая под снегом валежник, посуше да покрепче. Оглянулся. Огонь проглядывал сквозь серое марево, светился алым, словно далекая заря.

Волоча пару коряг, Стас вернулся к костру, одну сразу положил в огонь, другую пристроил рядом – пусть сушится. Сам лег на пружинящий матрац лапника, подпер рукой голову и залюбовался танцем пламени.

Он не заметил, как задремал.

А очнулся оттого, что за спиной, где-то в тумане лопнула ветка.

Он мгновенно развернулся, уставился в круговерть вьюги. Подобрал топорик, крикнул: – Эй! Кто там?

Почудилось?

Или, может, просто высохший сук обломился, не выдержав массы навалившегося снега?

Но, скорее всего, это вернулся тот жуткий гигант – стоит сейчас в тумане, принохивается к дымку, к запаху человека, смотрит угрюмо на розовое пятно костра.

А если это кто-то другой?

Может, обычный человек, забредший в лес. И вдруг очутившийся посреди лютной зимы. Замерзающий сейчас, ковыляющий из последних сил.

– Кто здесь? – Стас поднялся на ноги, осторожно шагнул во мглу.

Ветер ударил его в лицо, оцарапал разгоряченную кожу снежной пылью.

– Есть здесь кто-нибудь? – прокричал он, еще на шаг отходя от огня.

И вдруг за спиной, совсем рядом, раздался голос:

– Ты стрелок?

Стас медленно, стараясь ничем не выдать своего страха, повернулся. Он был почти уверен, что сейчас увидит косматого лешего-йетти, сидящего возле костра, распростершего над огнем огромные руки.

Но это был не леший. Возле костра стоял человек в странном балахоне, увешанном какими-то феньками-побрякушками. Человек ли?

– Ты стрелок? – повторил незнакомец, и Стас удивился, что понимает обращенный к нему вопрос – слова пришельца звучали совершенно незнакомо, короткие гортанные звуки не походили ни на один язык из тех, что знал Стас. Это не был ни французский, ни немецкий, ни английский. И уж тем более звуки незнакомой речи не походили на русский язык.

– Что? – растерявшись, переспросил Стас.

– Ты не стрелок, – сказал таинственный гость, – тогда кто? Ведь это мир стрелков? Кто ты? Зачем ты стоишь на пересечении? Почему идешь к нам? С какой целью? Ты исследователь? Вор? Грабитель?

– Я? К вам? Куда? – Стас был слишком ошарашен, чтобы осмысленно отвечать на вопросы. Тем более, он не совсем понимал, о чем это вопрошает незнакомец.

Безумец?

И вдруг он увидел, как по ту сторону костра из тумана появилась огромная фигура. Маленькие глазки сверкнули, словно угли, громадные руки потянулись к ничего не подозревающему человеку в балахоне, и Стас хотел крикнуть, предупредить незнакомца об опасности, но язык сделался ватным, в горле пересохло, запершило, и Стас подавился кашлем.

Тяжелая ладонь легла на плечо незнакомцу.

Стас уже видел, как сминается человеческая фигура, как льется кровь из разорванных мышц. Он стиснул топорик, сжал зубы...

Но незнакомец, лицо которого пряталось во тьме капюшона, обернулся и... заговорил с лесным монстром. Стас слышал неизвестные слова и отлично все понимал.

– Ты здесь откуда? – спокойно сказал незнакомец, обращаясь к чудовищу. – Это мир стрелков? Кто этот человек, ты знаешь его?

Леший-йетти, покосившись в сторону Стаса, негромко и словно бы жалобно проворчал. Стасу показалось, что он разбирает в этом тихом осторожном рычании отдельные слова. Но это же невозможно!

Что происходит?

– Что происходит?! – выкрикнул он. – Кто вы? Что это за чудовище?

Его игнорировали. Великан и незнакомец беседовали на разных языках, умудряясь при этом понимать друг друга.

И он тоже понимал их!

– Домой, возьми меня домой, – глухо и нудно рокотал косматый великан, – я хочу домой, здесь страшно, здесь всюду чудовища, огромные драконы с горящими глазами, от них пахнет железом и огнем, они не живые, здесь все неживое, они бегают без ног, так быстро, так страшно, я хочу домой, домой...

– Хорошо, я заберу тебя, – сказал незнакомец. – Ты видел здесь стрелков?

– Нет, но там есть дома, дальше. Там люди, и он пришел оттуда, я следил за ним, я не знал, что он...

– Кто он такой?

Стас догадался, что говорят про него.

– Он пришел оттуда, я не хотел трогать его, правда, не хотел, я хочу домой, он страшный, я не знал...

– Что ты бормочешь? Почему ты его боишься?

Великан, покосившись в сторону растерянного Стаса, пододвинулся вплотную к незнакомцу, наклонился, пробурчал что-то на самое ухо.

- Не может быть! – заявил незнакомец. – Ты ошибаешься!
- Домой, домой, я не хочу здесь оставаться!
- Подожди немного и окажешься дома.
- Домой...
- Эй! – незнакомец поманил рукой Стаса. – Это твой костер?
- Да. Надеюсь.
- Тогда почему ты стоишь так далеко от огня?
- Просто...

...я боюсь вас обоих, ты – безумец, он – людоед из детской сказки, вы – призраки Зоны, может быть вас и вовсе нет...

– Просто я хотел принести дров, – выдал Стас, заставляя себя подойти ближе. Он уверял себя, что опасности нет, что эти двое безобидны, что они не собираются причинять ему вреда.

- Кто ты?
- Я путешествую автостопом.
- Кем? – удивился незнакомец.
- Автостопом. Я много хожу пешком, но предпочитаю ездить на попутках.
- Ты странник? Но почему тролль думает, что ты некромант?
- Кто?
- Некромант, маг. Ты не маг, я бы почувствовал, ты прозрачен для Силы.
- Кто думает? Кто он?
- Он? Тролль. Ты никогда не видел троллей?
- Нет.

– Ты не был у нас?.. – незнакомец добавил какое-то незнакомое слово, и Стас не сразу понял, что оно означает. В голову пришло сразу несколько... чего? смыслов? переводов? – Перекресток Миров, Грань Сфер, Пересечение, Внутренний Мир, Центр...

Центральный Мир.

Уанроан.

- Не был где? – переспросил Стас.
- Ты в первый раз идешь к нам?

– К вам? К вам? Да я никуда не иду! – Стаса прорвало. – Я сижу на месте и пытаюсь понять, что здесь происходит! Откуда взялся снег, туман?! Что это за здоровое страшилище, преследующее меня?! Я спокойно сижу возле огня, пытаюсь не замерзнуть во всей этой свистопляске, а тут появляетесь вы, со своими идиотскими вопросами на языке, которого я не знаю, но каким-то образом понимаю. Я что, сплю? – Стас раздраженно прошел на свое место, едва не толкнув высокого незнакомца. Сел на грудь лапника, безразлично уставился в огонь. Повторил несколько раз:

- Сплю... Я сплю... Сплю...

Йетти-тролль, опасливо покосившись на него, отступил в туман.

– Ты не спишь, – спокойно сказал незнакомец в балахоне. Он присел рядом, сбросил капюшон с головы. Стас с интересом поглядел в открывшееся лицо – пронзительно черные глаза, нездорово бледная кожа, короткая козлиная борода, лохмы седых волос – нестарый еще старик. С удивительно молодым голосом.

– Это сон, – упрямо заявил Стас. – Только не знаю, с какого момента он начался. Где я сейчас? Дремлю в машине, а рядом Саня держится за баранку? Или сплю в избе у Варвары Ивановны? Или же я действительно забрел в Зону и сейчас валяюсь без сознания, уткнувшись носом в некстати подвернувшийся камень? А может дрыхну без задних ног возле костра?.. Как все запуталось, черт побери!

– Ты не спишь, – сказал незнакомец. – Ты находишься на нашей половине Портала, рядом с тобой я, а чуть в стороне стоит отчего-то боящийся тебя тролль.

– Сплю, – Стас закрыл глаза. – Но сейчас попробую проснуться.

– Если ты не уйдешь сейчас отсюда, – ровным голосом продолжал старик, – то дороги назад не будет, Портал закроется.

– Какая чушь!

– Ты действительно ничего этого не знал?

– И знать не хочу!

– Ладно...

Незнакомец замолчал.

Выла вьюга. Потрескивал костер. Шелестели уже изрядно проредившиеся кроны, с хрустом надламывались ветки, роняли вниз комья свалывшегося снега.

Стас начинал верить, что действительно спит и видит сон. Иначе и быть не может! Только этим можно объяснить все случившиеся нелепицы.

А если это не сон, значит – безумие.

Но безумие его не устраивало.

Сон.

И больше ничего.

– Как ты напугал тролля? – спросил голос, принадлежащий странному старику из сновидения.

– Я его не пугал, – огрызнулся Стас, досадуя, что никак не может пробудиться.

– Он думает, что ты некромант.

– Я музыкант, – съязвил Стас. – А ты кто?

– Маг.

– Тебя зовут Коперфилд? – не открывая глаз, спросил Стас. – Ты умеешь летать и становиться невидимым?

– Я не умею летать. Но могу сделать так, что тебе покажется будто я лечу.

– Значит ты действительно Дэвид Коперфилд.

– Меня зовут не так. И я не знаю никого с таким именем.

– Я пытаюсь шутить.

– У тебя плохо получается.

Стас хмыкнул, открыл один глаз, потом другой.

Все тот же густой туман, мечущийся снег, тени ближайших деревьев, проступающие сквозь мглу.

Сон.

Сон?

Стас ущипнул себя за руку. Было больно.

– Послушай, – жалобно сказал он. – Я действительно сплю?

– Нет, – незнакомец покачал головой.

– Я сошел с ума? Может я брежу?

– Кажется Портал закрывается, – сказал незнакомец, вытянув шею, словно бы прислушиваясь к чему-то. – Возможно, ты еще успеешь вернуться.

– Хочу домой, – проревел из тумана великан, – домой...

Ветер стал понемногу стихать. Стас поднял голову – сквозь редящийся туман проглянуло бледное пятно солнца.

– Что у тебя там? – спросил маг, кивнув в сторону гитарного футляра. – Топор?

– Гитара, – пробурчал Стас, оглядываясь по сторонам. Из растворяющейся мглы проступали корявые деревья, но – странное дело – они были без листвы. Неужели пурга оборвала с крон всю зелень?

– Гитара? Что это такое?
– Музыкальный инструмент, – Стас пошевелил в воздухе пальцами, словно бы перебирая струны.

– Ты играешь на нем?

– Ну не просто же так с собой таскаю!

– Так ты бард? Тогда я нанимаю тебя. Поднимайся, мы выходим.

– Ты меня нанимаешь? Что это значит? Никуда я не пойду!

– Ты задаешь странные вопросы. – Старик встал, накинул капюшон. – Или ты не настоящий бард?.. – Он легко щелкнул пальцами и его фигуру окутал светящийся ореол. Стас почувствовал, что от этого странного сияющего кокона исходит приятное тепло. – Я нанимаю тебя, чтобы ты развлекал меня балладами и песнями в долгом путешествии. Ты должен радоваться, получив такое предложение.

– Я иду только туда, куда сам считаю нужным.

– Значит ты отказываешься?

– Да.

– Я чувю, чувю, – зарычал вдруг тролль откуда-то из-за корявых деревьев, – я дома, благодарю тебя, Блистающий, я уйду, ты был добр к потерявшемуся троллю, и я назову тебе имя – Однозуб.

Ветер улегся. Снег теперь просто сыпал с неба, ровно и тихо, не метался из стороны в сторону, не хлестал в лицо. Истаивал туман.

И вдруг в одно мгновение мир открылся.

Густой лес Зоны исчез. Остались ободранная береза возле костра и знакомая ель, изрядно прореженная топором. Остались отдельные деревья, черные, голые, узловатые. А за ними, совсем рядом, высились острые горные пики, и всюду, насколько хватало глаз, лежал нетронутый снег. Безмолвная безлюдная пустыня у подножия гор. Только маленькая фигурка, оставляя за собой тонкую цепочку следов, пробивалась сквозь снежную целину к темным зубьям скал – тролль торопился домой...

– Откуда все это? Где лес? Где Зона? – пробормотал Стас, изумленно озираясь. – Где мы?

– Это Уанроан, – сказал маг. – Центральный мир.

– Что? Как?

– Ты прошел через открытый Портал. И я не знаю, когда ты сможешь вернуться.

Костер догорал.

– погоди! – остановил Стас собирающегося уходить мага. – Скажи, что мне теперь делать?

чтоб не замерзнуть...

– Откуда я знаю? – усмехнулся старик.

– Кажется, ты хотел меня нанять?

– Кажется, ты отказался?

– Я передумал.

– Тогда хватит разговоров. Идем!

– Сейчас, – Стас подхватил гитару, оглянулся, втайне надеясь увидеть позади *свой мир*... чащобу Зоны, бурелом. Надеясь почувствовать дыхание потерянного лета. Услышать треск сорок и переключку кукушек...

Лишь белая безмолвная пустыня. Бескрайняя зима.

– Это только сон, – пробормотал Стас и, увязая в неожиданно глубоком снегу, побежал догонять ушедшего вперед мага. Поравнявшись со своим попутчиком – хозяином? – он спросил:

– Куда мы идем?

– Спасать мир, – ответил маг.

Всего лишь сон, подумал Стас.

Или безумие.

– Как твое имя? – поинтересовался маг.

– Стас. А твое?

Маг промолчал. Он мерно шагал, и некрепкий наст под ним не проваливался. От фигуры, окутанной сияющим ореолом, исходило тепло, и Стас старался держаться поближе.

Какой странный и долгий сон, вновь подумал он.

Надо будет сделать снегоступы. И где-нибудь раздобыть теплой одежды...

Интересно, что там, за горами, за горизонтом?

Часть вторая: Стрелок

*Право сильного – быть всегда правым.
Право слабого – совершать ошибки
девиз гильдии стрелков «Красные платки»*

*Это хуже, чем преступление, это – ошибка
Талейран*

Глава 4

По белой, запорошенной снегом равнине бежали четыре человека. Бежали неуклюже, косолапо и тяжело, так как на ногах у них были сплетенные из ивовой лозы снегоступы. У одного за плечами висел мешок, небольшой, но, судя по всему, очень тяжелый. Двое других тащили раненного товарища. Раненый, стиснув зубы и слабо постанывая, пытался прыгать на одной ноге, опираясь на плечи своих напарников. Кровь стекала по древку застрявшей в бедре стрелы и кропила чистый искрящийся снег. Человек с мешком поминутно оглядывался и все торопил своих отстающих товарищей:

– Быстрее! Ну, давайте!..

Все они были тепло одеты – того требовала погода, но сейчас одежда только мешала. меховые штаны и короткие полушубки стесняли движения, шапки норовили сползти на глаза. Бились о бедра массивные револьверы в кожаных кобурах.

Стрелки отступали с захваченной добычей.

– Быстрее! У них лошади! Мы должны добраться до Портала раньше, чем нас догонят!

– Лошади не пройдут по снегу.

– Снег здесь неглубокий, всадники нас настигнут, если мы не поторопимся.

– Сколько еще времени, Джош?

Человек с мешком, не останавливаясь, залез в карман, за длинную цепочку вытащил яйцеобразный, чуть приплюснутый с боков хронометр, подцепил крышку ногтем большого пальца, бросил взгляд на циферблат:

– Четыре минуты до совмещения.

– Ты знаешь, где Портал?

– Да.

– Мы верно двигаемся?

– Да. Заткнись. Береги дыхание.

– Ровней! – взмолился раненый. – Держите меня ровней!

– Терпи, Смиф! От такой царапины еще никто не помирал.

– Помирал, – простонал раненый. – Мой дядя. Его оцарапала кошка. Сначала ему отрезали кисть, потом всю руку по самое плечо, но он все равно помер. Раздулся, словно бочонок с порохом и сдох. Какая вонь стояла дома, пока его не похоронили!

– Заткнись, Смиф! – раненого тряхнули так, что у него клацнули зубы. Он, прикусив язык, взвыл.

– Давайте быстрее! – Джош обернулся, раздраженно махнул рукой...

Они бежали, тяжело дыша, поминутно сплевывая на снег вязкую мокроту. Струйки пара вырывались из раскрытых ртов, оседали инеем на мехе воротников и шапок. С хрустом проседал под снегоступами наст.

Джош уже не оглядывался, он смотрел только вперед, выглядывая ориентиры, известные лишь ему одному...

Две с половиной недели тому назад к нему пришли эти трое. «Джош, – сказали они, – мы хотим ограбить караван. У нас есть достоверная информация, что через десять дней в нескольких милях от Желтого Портала пройдет очень богатый обоз. Очень богатый! У нас нет плана, как лучше провернуть это дельце, а Желтый Портал открывается через два дня. Ты с нами?». Он посмотрел на этих сосунков, только недавно получивших револьверы и думающих, что стрелок это тот, у кого на бедрах болтается пара массивных стволов. Он посмотрел на них и спросил: «Вы видели когда-нибудь человека, разрубленного мечом?». «Нет», – ответили они, переглянувшись. «Вы знаете, каково это – бежать и придерживать свои собственные кишки, вываливающиеся из распоротого брюха?» – спросил он. «Нет», – они немного растерялись. «Вы думаете, что аккуратная смерть от пули похожа на смерть от стрелы или меча? Вы ошибаетесь. Вы еще не готовы. Вы дети. Я никуда не пойду с вами.» – так сказал он и безразлично отвернулся. Но их последние слова заставили его изменить решение: «Тридцать килограммов чистого золота. Половина твоя, Джош.»

Все прошло, как нельзя лучше. Желтый Портал открылся согласно таблице, они перешли на ту сторону, отыскиали тропу, по которой будет двигаться караван и стали ждать. Целую неделю они жили в диком лесу, питаясь сухарями и солониной. Они грелись у костра, а спали в избушке, выложенной из снежных кирпичей. Однажды на них набрел медведь-шатун и его пришлось пристрелить. Грохот выстрелов разнесся на несколько миль, но им повезло – местность была безлюдной и никто ничего не услышал. Если бы кто-то прознал, что неподалеку появились стрелки, то им пришлось бы нелегко – и тогда про караван, про тридцать килограммов чистого золота можно было забыть.

Каждый вечер, когда становилось темно, но ложиться спать еще было рано, Джош напоминал свой план. «Вы встанете на дороге полукругом, я буду прятаться сбоку, за кустами. В первую очередь надо отстрелить всех лучников, если они будут. Потом перебить остальных охранников. Если увидите мага, или кого-то на него похожего – стреляйте не раздумывая! Несколько погонщиков надо оставить в живых – они нам покажут, где золото. Если будем искать сами, то потеряем много времени. Самое главное – не жадничать! Берем только золото и сразу уходим. Нам надо будет двигаться к югу. Если поспешим, то успеем к открытию Золотого Портала. Все ясно?». «Ясно», – кивали зеленые юнцы. Он очень бы хотел верить, что им действительно все ясно...

Все прошло, как нельзя лучше. Караван появился вовремя. Юнцы вышли из-за деревьев, первыми выстрелами свалив огромного быка, бредущего впереди. Лучников в охране не оказалось, магов тоже. Когда рассеялся пороховой дым, и утихли отзвуки пальбы, все охранники лежали мертвые. Золото отыскалось быстро, стоило только пристрелить одного из погонщиков на глазах у других. Сложив добычу в сумки, стрелки ушли в лес и направились прямо на юг, туда, где должен был открыться Золотой Портал.

План был безупречный. Но нельзя предусмотреть всего. Никто не предполагал, что за этим обозом следует еще один. И что охрана там намного сильнее.

Они не успели уйти далеко, снег лишь слегка припорошил свежие следы, а погоня уже настигала их. Они отбили первую группу нападавших, но грохотом выстрелов выдали свое местонахождение. Тем не менее, им вновь повезло – повалил густой снег, скрыв все следы. Стрелки уходили на юг, надеясь, что преследователи потеряются в лесу. Но погоня продолжалась – скорей всего, хозяин каравана знал, что стрелки несут с собой тридцать килограммов золота и хотел заполучить этот солидный куш.

В течении нескольких дней им удавалось скрываться под пологом леса. Дважды они наткнулись на рыскающие конные отряды, но успевали спрятаться среди бурелома. Они могли бы перестрелять беспечных всадников, но каждый патрон был на счету, а на грохот выстрелов

не замедлило бы явиться подкрепление. Поэтому стрелки, отлежавшись, переждав опасность, продолжали тайком пробираться на юг.

А потом лес вдруг кончился. Джош знал, что так и будет, но для юнцов это было полной неожиданностью. Нетронутая снежная целина распростерлась перед ними. Невозможно было перейти ее, оставшись незамеченным. Но и в лесу оставаться было нельзя. В чаще порой слышалась переключка конных отрядов – стрелков продолжали искать, методично прочесывая лес, и, рано или поздно, нашли бы. Кроме того, Портал вот-вот должен был открыться. И если упустить момент, то...

На опушке леса случилась схватка, в которой был ранен Смиф. Отряд из семи всадников наткнулся на стрелков. Джош, выхватив револьверы, четырьмя точными выстрелами уложил четверых, прежде чем кто-то что-нибудь понял. Юнцы спохватились, когда два всадника скрылись за деревьями. Третий не смог справиться с испугавшейся, вставшей на дыбы лошадью и вывалился из седла, застряв ногой в стремях. Юнцы разразились градом выстрелов, но, кажется, не попали – лошадь, обезумев, понесла, и тело всадника безвольно моталось из стороны в стороны, ударяясь о стволы деревьев. А потом вдруг из чащи вылетела стрела и, пробив меховую штанину, вонзилась Смифу в бедро. Он ойкнул и осел в снег, едва не выронив револьверы. Джош, прикинув траекторию полета стрелы, несколько раз выстрелил в темный лес, а потом скомандовал: «Пошли!» и, подхватив за шкурки растерявшихся щенят, надавав им подзатыльников, заставил их поднять своего товарища и бежать, бежать, бежать.

Уже потом он разгрузил юнцов, на ходу переложив их золото к себе в мешок. Но, все равно, они постоянно отставали...

– Быстрее! Шевелите ногами, щенки! Зачем я только с вами связался?

Они взбежали на вершину невысокого пологого холма, и Джош увидел далеко впереди маленькую вертикальную черточку – столб, отмечающий центр Портала.

– Две минуты, – объявил он. – Видите там столб? Это Портал.

– Где? – юнцы, прищурясь, смотрели вперед и ничего не видели – снег слепил их.

– Двигайте задницами! Разглядите потом!

– Осторожней! – завопил подстреленный Смиф. – Больно!

– А ты заткнись! – оборвал его вопли Джош, обернувшись и замахнувшись кулаком для острастки.

Вниз по склону холма они бежали молча.

– Минута, – выдохнул Джош, вновь глянув на часы. – Быстрее, быстрее! Сейчас поднимется буря и уже ничего будет не разобрать.

И вдруг до ушей стрелков донеслось гиканье и лошадиное ржание. Звуки быстро приближались: еще немного – и конный отряд взлетит на холм, а спрятаться уже негде, кругом ровный снег, и тянется по равнине предательская ниточка следов.

– Сколько у кого патронов? – выкрикнул Джош.

– Не знаю, – торопливо ответил Кегор, – я не перезаряжал револьверы после последней стычки.

– У меня полные барабаны и еще четыре патрона в кармане, – отозвался Пол.

– Я не могу стрелять, – простонал Смиф. – Но патронов у меня штук пятнадцать. И револьверы полностью заряжены.

– У меня осталось восемь выстрелов, – сказал Джош. – Бегите прямо, не останавливайтесь. Я догоню. У нас есть еще сорок секунд.

Он остановился, повернулся лицом к приближающемуся звукам, широко расставил ноги. Прикинул расстояние до вершины холма – шагов триста, может чуть больше. Убрал бесценный хронометр глубоко в карман, швырнул ненужные больше рукавицы на снег. Прищурился, попытался унять дыхание, сбитое долгим бегом. Крикнул во весь голос:

– Давайте!

И, словно по его команде, два всадника возникли на холме. Их силуэты четко обрисовались на фоне светлого неба, и Джош, ни секунды не медля, выхватил револьверы и спустил курки. Два выстрела слились в один. Лошади встали на дыбы, сбросив в снег наездников.

Джош знал, что не промахнулся.

По ту сторону холма раздался яростный вопль.

– Следующий! – откликнулся Джош. Ему было весело, по-настоящему весело, сейчас он словно бы видел себя со стороны, любовался собой, грозным, уверенным, могучим, не забывая, впрочем, что патронов осталось...

Четыре всадника вспорхнули на холм.

Раскат грома выбил из седел троих. Четвертый успел соскочить с лошади и залег за телами своих мертвых товарищей. Он что-то прокричал, и спустя мгновение на пологий склон холма посыпались, повалили всадники. Их было много, очень много – двадцать, тридцать, сорок. Кому понадобилась такая охрана? Для чего? Всадники, рассыпавшись по склону, катились вниз словно лавина. Разгоряченные лошади перемалывали копытами наст, поднимали в воздух снежное крошево. Люди в седлах воинственно кричали, потрясая саблями, пиками и луками. Их лица были размалеваны. На головах – рогатые шлемы.

Джош развернулся и побежал изо всех сил.

Над ухом пронзительно свистнула стрела. Еще одна упала под ноги. Он втянул голову в плечи, ссутулился. «Сейчас, сейчас, сейчас» – шептал он. Тяжелый мешок бил по крестцу. Ребристые рукояти револьверов холодили ладони.

В спину ему ударил вдруг налетевший ветер. Джош поднял голову. Впереди, клубясь, разрастаясь, ползло навстречу серое непроницаемое облако, похожее на всходящее тесто.

Портал открылся.

Джош догнал ковыляющих юнцов, бросил взгляд назад – преследователи были совсем близко, лошади хоть и вязли в снегу, но все равно двигались быстрее, чем люди на снегоступах.

Кегор вдруг упал. Рядом свалился потерявший опору Смиф. Пол остановился, не зная, что делать, склонился над друзьями.

– Оставь их! – Джош видел, что шея Кегора пробита стрелой. – Беги! В туман!

– Помогите! – Смиф тянул к ним руки. – Пол, помоги мне! Не оставляй!

– Если хочешь жить, беги сам, – крикнул ему Джош и, схватив за шиворот растерявшегося Пола, поволок за собой. Сделав несколько шагов, он отпустил упирающегося молокососа, проорал зло на самое ухо:

– Сам сдохнешь и его не спасешь! В Портал, бегом, марш! – и побежал вперед, уже ни на что не обращая внимания.

Плевать он хотел на этих бестолковых щенков!

Вокруг бесновалась вьюга, разбушевавшаяся пурга швыряла снежные заряды, хоботы вихрей буравили наст. Туман все вспухал, раздавался в стороны, готовясь поглотить людей – стрелков и их конных преследователей. Всадники, понимая, что добыча уходит, завопили, но их голоса едва слышались на фоне разбушевавшейся непогоды.

Сбоку из мельтешащей мглы вдруг вынырнула фигура.

– Это я.

– Держись рядом, – сказал Джош появившемуся Полу.

Свет померк. Стало чуть теплей, чуть тише. Плотный туман накрыл людей, спрятав их друг от друга.

– Хватайся за мешок, – произнес глухой голос, лишь отдаленно похожий на голос Джоша. Пол протянул руку, и пальцы ткнулись в плотную ткань, под которой прощупывались ребристые холодные бруски – золото. Тридцать килограммов. Пол снова поразился, как может один человек тащить на себе такую тяжесть, да не просто тащить, а бежать, обутый в страшно неудобные снегоступы.

- Держусь.
- Нам надо перейти на нашу сторону и подождать, пока Портал закроется.
- Сколько еще он будет открыт?
- Тридцать-сорок минут.
- Ты знаешь куда идти, Джош?
- Да.

Теперь они двигались не торопясь. Туман и пурга скрывали их от неприятеля, впрочем и неприятель оставался для них невидим.

- Где мы окажемся, – спросил Пол, – когда вернемся?
- Золотой Портал находится в двадцати милях от города.
- Недалеко.
- Совсем рядом. Особенно если учесть, что с нами будет тридцать килограммов чистого золота.
- Неплохо, да? А ты не хотел идти.
- Я и сейчас жалею, что ввязался в эту авантюру.
- Почему? Золото же у нас.
- А где твои друзья?

Пол замолчал.

– И не радуйся раньше времени, – сказал Джош. – Мы еще не выбрались из этого проклятого места. Кто знает... Тс-с!..

На сером живом полотне мглы проступила неясная тень. Джош замер, медленно присел, увлекая за собой Пола.

Совсем рядом всхрапнула лошадь. Из тумана высунулась пика, обращенная наконецником к земле. В двух шагах от затаившихся стрелков проехал всадник. И растворился во мгле.

– Они все еще нас ищут, – прошептал Джош. – Наверняка, они знали про это золото. Думаю, они собирались напасть на ограбленный нами обоз, иначе зачем им столько хорошо вооруженных наездников? Для охраны обычно нанимают пеших воинов... Идем!

Стрелки осторожно поднялись и направились дальше.

Пол гадал, как Джош выдерживает верное направление в этой непроглядной мгле. Он подозревал, что они давно сбились с дороги и сейчас просто слепо петляют, и вот-вот вывалятся из облака тумана прямо к ногам всадников, под пики и стрелы.

«Вы знаете, каково это – бежать и придерживать свои собственные кишки, вываливающиеся из распоротого брюха?»

И все же Пол надеялся выжить.

Все же он верил Джошу, ведь тот был одним из Пятерки. Последним.

Говорили, что именно Джош покончил с бандой Рыжего Вина. Он вышел один против десяти и уложил всех. Свидетелей той схватки не было – но были люди, видевшие десять трупов с дырами в черепах. Большинство считало, что Джошу тогда просто повезло. Пол так не думал. Когда заигрывают со смертью, везение прячется.

Говорили, что однажды Джош сбил выстрелом летящую в него стрелу.

Говорили, что на его револьверы наложено заклятье.

Много чего говорили. Но чаще всего, когда вспоминали Джоша, рассказ заходил о Пятерке.

- Расскажи мне про ту драку, – прошептал Пол.
- Что? – не расслышал Джош.
- Ты расскажешь мне про ту схватку, если мы выберемся?
- Про какую именно?
- Последний бой Пятерки.

– Хорошо. Если мы выберемся, я напьюсь и расскажу эту историю тебе. Все, как было на самом деле.

Из тумана появился столб. Толстый ошкуренный ствол, вкопанный в землю, был покрыт незнакомыми руническими письменами. Пол коснулся вырезанных на дереве знаков и успокоился: все, пришли. Он поднял голову, пытаясь разглядеть в тумане верхушку столба, и почувствовал, как на лицо падают тяжелые капли, теплые, словно кровь. В их мире шел дождь.

– Центр Портала, – сказал Джош. – Дальше начинается наша сторона.

Они прошли мимо столба. Потом сели в снег и стали ждать.

Пол, опустив голову и прикрыв глаза, размышлял о том, куда потратить деньги. Прежде всего, решил он, надо купить новые револьверы. Неплохо бы заказать именные патроны, с гравировкой на гильзах. Еще нужен хороший нож. Сколько-то денег надо отправить матери. Но что делать с оставшейся частью? Страшно подумать – пятнадцать килограммов золота!

– Джош, – шепотом позвал он, наклонившись к старшему товарищу.

– Что?

– Куда ты потратишь деньги?

– Если мы выберемся?

– Да.

– Пропью. И проем.

– Все свое золото?

– Могу и твое тоже, – усмехнулся Джош.

– Неужели можно пропить такую сумму?

– Можно, парень. Если мы выберемся из этой передраги, я тебе продемонстрирую, как это делается. Этому умению тоже нужно учиться, а иначе что ты будешь делать, если на тебя неожиданно свалится богатство? Вот сейчас, я уверен, ты мучительно размышляешь, куда потратить свои деньги, которые все так и лежат в моем мешке. Да? А ведь от этого можно сойти с ума.

Пол промолчал. Впрочем, Джош не нуждался в ответе. Он внимательно слушал, что творится вокруг.

За шумом бури он слышал переключку глухих, то далеких, то близких голосов, порой даже разобрал отдельные слова. Он был настороже, по опыту зная, что опасность возвращается в тот самый момент, когда кажется, что уже все кончилось, когда люди расслабляются, закрывают глаза и начинают мысленно делить добычу.

– А еще я раздам долги, – пробормотал Джош.

– Что? – встрепенулся Пол.

– Не расслабляйся! Нас ищут, они совсем рядом, а ты словно спишь.

– Я думаю о Смифе и Кегоре. Они были моими друзьями.

– У меня было много друзей. Но они все уходят. И к этому привыкаешь. А привыкнув, начинаешь ко всем людям относиться так, словно их уже нет... Не переживай.

– Я бросил их.

– Да, – рассердился Джош, – ты бросил их, хотя мог бы остаться рядом. С прорванным брюхом и утыканный стрелами, словно дикобраз.

Пол поежился.

Стрелки говорили тихо, но, тем не менее, их услышали.

В нескольких шагах от них, спрятавшись во мгле, замер неподвижно спешившийся всадник. Он, вытянув шею, прислушивался к словам стрелков и хищно улыбался. Он набрел на них совершенно случайно – рыская в тумане, наткнулся на столб, спрыгнул с седла, привязал своего скакуна, а сам на несколько шагов отошел в сторону, чтоб опорожнить кишечник. Спустил штаны, присел – и услышал голоса. Так и замер в неудобной позе, подставив голый зад холодному ветру, несущему липкий, набрякший влагой снег.

Сообразив, кому принадлежат голоса, наездник поспешно подтянул штаны и вернулся к столбу. Отвязав коня, он вспрыгнул в седло, привстал в стременах и поскакал туда, где перекликались его товарищи, где слышалось ржание и негромкое позвякивание металла.

– Еще минут пятнадцать, быть может, двадцать, – сказал Джош. – Кажется они нас потеряли... – он вдруг насторожился, повернул голову, приподнялся. – Что это?

– Что? – Пол вскочил на ноги. – Я ничего не слышу.

– Не знаю... Быть может показалось.

– Что именно?

– Так... – Джош неопределенно махнул рукой, пожал плечами. Впрочем, Пол не мог видеть этого жеста из-за тумана.

Джош стащил со спины мешок с золотом, потянулся, хрустнув суставами. Расшвырял ногами ноздреватый, изъеденный накрапывающим дождем снег, сделал ямку. Опустил в нее мешок, присыпал сверху, притоптал. Сел на получившийся холмик.

– А ты когда-нибудь думал о женитьбе? – успокоившись, вернулся Пол к разговору.

Джош хмыкнул:

– Да, ты прав, это отменный способ потратить деньги. И самый верный... – он выдержал паузу, потом ответил: – Я был женат. Очень давно.

– Да?

– Но мы разошлись.

– Почему?

– Не знаю... Должно быть потому, что я боялся.

– Боялся? Ты? Чего?

– Ответственности. Предательства. Смерти... Всего.

– И где она сейчас?

– Там же, где и все мои друзья. В прошлом.

– Ты так легко говоришь об этом... Она жива?

– Насколько я знаю, да.

– И неужели тебе не хочется повидать ее?

– Мало ли чего хочется, – буркнул Джош. – Иногда мне хочется пустить себе пулю в лоб, но это же не повод уходить из жизни.

Они помолчали немного.

– Дай мне патроны, что остались у тебя в кармане, – сказал Джош.

– Бери, – Пол протянул руку на голос, зажав в кулаке четыре латунных цилиндрика с круглыми оголовками пуль. Джош подставил ладонь, потом откинул барабан и неторопливо стал дозаряжать свой револьвер чужими патронами.

– А скажи, это правда, что именно ты перестрелял банду Рыжего Вини? – спросил Пол.

– Да.

– Но их было десять человек! А ты один! Как!?

– Они были плохими стрелками, – Джош тряхнул рукой, и барабан револьвера, сухо щелкнув, встал на место. – Я был лучше их в десять раз.

– Ты был быстрее? Хитрей?

– Говорю же – лучше.

– Как это?

– Возможно, когда-нибудь ты поймешь. А сейчас не время... – Джош вновь насторожился, привстал. Пробормотал устало:

– Значит, не показалось.

– Что?

– Слушай!

И через секунду Пол услышал. Мягкий перестук копыт, фыркание разгоряченных бегом лошадей, глухое звяканье сбруи, оружия и доспехов.

– Что делать?

– Сначала стрелять, – сказал Джош, отступив в сторону. – А уж там поглядим. И помни: минут через пять, если останемся на месте, мы вернемся к себе.

– Но они тоже перейдут на нашу сторону.

– Да. Они тоже. Поэтому надо постараться прогнать их до того, как Портал закроется, и рассеется туман.

Во мгле скользнула первая тень. Джош выстрелил почти наугад и по короткому вскрику понял, что не промахнулся.

Пять.

Туман разразился дикими воплями. Стрелков окружили со всех сторон.

Перед лицом Джоша возникла лошадиная морда, он шарахнулся в сторону, чудом уклонился от пики и разрядил револьвер в наездника.

Четыре.

Наткнулся спиной на что-то, отпрыгнул.

– Это я! – голос Пола.

– Почему не стреляешь?

– Ничего не вижу.

Они встали плечом к плечу, закружились на месте, словно в странном танце: руки с револьверами у пояса на уровне живота, ноги чуть согнуты, напряжены.

Еще один всадник вылетел из тумана, проскакал мимо, не заметив стрелков. Джош выстрелил ему в спину.

Три.

Две тени обрисовались справа, осторожно двинулись на звук выстрелов.

Джош выжал немного и подстрелил обоих.

Два. Один.

– У меня остался последний патрон, – Джош повернулся лицом к молодому напарнику, – Дай мне один из своих револьверов.

Пол, ни секунды не колеблясь, сунул ему в руку теплую удобную рукоять.

– Держись рядом, – сказал Джош и, набрав полную грудь воздуха, завопил во весь голос, обращаясь к невидимым всадникам: – Эй, вы! Вам нужно золото? Его нет, я его спрятал. Вы можете нас убить, но золота не получите! Слышите? А через несколько минут вы очутитесь в нашем мире! А уж там найдется, кому о вас позаботится! Убирайтесь, пока еще есть время! Иначе мы вас перестреляем по одному!

В ответ со всех сторон раздался жуткий, словно бы и не человеческий вой. Пол трижды выстрелил в сторону ближайшего голоса и, кажется, попал – вой сменился захлебывающимся визгом. Но всадников еще оставалось много, больше, чем патронов у стрелков.

Вдруг вопли прекратились. Несколько секунд стояла абсолютная тишина, а потом...

Застучали копыта, со всех сторон надвинулись тени, замелькали, закружились перед стрелками, отесняя, оттирая их друг от друга. Джош выстрелил куда-то, его толкнули в бок, он едва не упал, шагнул слепо, налетел на лошадиный круп, снова наугад выстрелил, отшатнулся, зацепился за что-то рукой, кажется за седло, освободился, едва не выронив револьвер, сильно поцарапав запястье, и в этот самый момент что-то сильно ударило его в спину и он, задыхаясь, отлетел в сторону, упал в снег, на какое-то мгновение потерял сознание. Очнулся от острой боли в плече – перед глазами мелькнуло копыто. Он приподнялся на корточки, чтоб не затоптали лошади, попытался встать, его тут же подхватили, поволокли куда-то, бросили. Нацелили десяток пик, приставив холодную сталь к шее, к груди, к животу.

– Где золото? – спросил из тумана властный голос.

Под боком что-то шевельнулось, раздался стон.

– Это ты, Пол?

– Я, – чуть слышно прошептал молодой стрелок.

– Значит тебя тоже сцапали?

– Кажется, я сломал ногу.

– Где золото? – повторил голос. Язык был не знаком Джошу, тем не менее, слова были понятны.

– Иди к черту, – сказал Джош, и тотчас несколько нетерпеливых пик впились в кожу.

– Где золото, стрелок? Скажи, и я отпущу тебя и твоего напарника.

– Скажи ему, Джош, – прошептал Пол.

– Они убьют нас в любом случае, – отозвался стрелок.

– Я спрашиваю еще раз: где золото?

– Отвечаю еще раз: иди к черту! – Джош слегка пошевелил онемевшей рукой, в которой все еще держал револьвер. Плечо отозвалось болью – кажется, сломана ключица. Стиснув зубы, Джош медленно приподнял ствол, нацелив его в сторону властного голоса.

И вдруг кто-то неожиданный закричал отчаянно и звонко:

– Все здесь собрались? Получайте! – грянули выстрелы.

Джош ужом выскользнул из-под пик, подцепил стонущего Пола здоровой рукой, потянул в сторону. Ткнулся в лошадиные ноги, приподнялся на коленях. Отпустив товарища, схватился за подпругу, подтянулся, встал на ноги, ткнул стволом в наездника, скрипнув зубами, спустил курок. Отдача выбила револьвер из ослабевшей руки. Лошадь вскинулась на дыбы, Джош, уцепившись за седло, пытался удержать ее на месте.

– Жрите свинец! – вопил невесть откуда взявшийся спаситель. Грохот выстрелов бился в уши.

Перепуганные лошади ржали, раздували ноздри, трусили ушами, дробно переступали копытами, кружились, толкались. Наездники с трудом сдерживали их, крутили головами, пытались понять, кто стреляет, откуда? Кто-то не выдержал, поддался панике, хлестнул скакуна, помчался прочь.

– Как вам это?! – Выстрелы все гремели.

Один из всадников зашелся пронзительным визгом, видимо пуля попала в особо болезненное место.

Джош, продолжая удерживать рвущуюся лошадь, крикнул лежащему под ногами Полу:

– Стреляй!

– Я потерял оружие.

– Пошарь вокруг, я только что выронил револьвер.

– Нашел!

– Стреляй же!

– Куда?

– Да все равно, куда! Только не в меня! Стреляй!

Прогрохотал выстрел. Лошадь рванулась, едва не вывихнув Джошу плечо.

И всадники не выдержали, развернулись, очертя голову поскакали прочь, прочь из мглы Портала, прочь от невидимых стрелков, от грохота выстрелов и смертоносных пуль. Топот, крики, ржание удалялись, глохли в тумане, пока не стихли совсем.

– Все, – не веря себе, выдохнул Пол. Он пошевелился, застонал от боли в сломанной ноге.

В воздухе что-то тихо свистнуло.

– Еще не все, – сказал Джош, поднимая воткнувшуюся в снег стрелу. – Эй! – крикнул он, – кто ты, стрелок?! Иди к нам, на голос. Портал вот-вот закроется.

– Идите к черту! – прокричал голос из тумана. – Вы меня бросили!

– Смиф! – узнал Пол. – Смиф, это ты? Ты жив?

– Где мое золото?

– У нас! – откликнулся Джош. – Иди сюда!

– А где Кегор? – крикнул Пол.

– Там, где вы его оставили, – из тумана выступила тень. Смиф ковылял, выставив перед собой правую руку. Не заметив лежащего Пола, он споткнулся о его ногу и со стоном повалился в снег.

– Я смотрю, ходить ты опять научился, – усмехнулся Джош, поглаживая круп наконец-то успокоившейся лошади.

– Заткнись! Это ты меня бросил!

Еще одна стрела прилетела с той стороны Портала, клюнула Джоша в сапог. Не сумев пробить плотную кожу, отвалилась, словно насосавшийся крови клещ.

Ветер стал стихать. Потеплело. Дождь все сыпал и сыпал, разрыхлял подтаявший снег.

– Портал закрывается, – сказал Джош. – Кажется, мы все же выбрались.

Несколько минут стрелки сидели и смотрели, как тает туман. Седая мгла отодвигалась все дальше, светлела, над головой появились промоины, в которых плыли низкие набрякшие тучи.

– Выбрались, – сказал Джош, когда туман окончательно развеялся, и стали видны желтеющие березовые перелески, прозрачные и светлые на фоне черного слякотного бездорожья и унылого неба.

– Вставайте, – сказал он и засмеялся, глядя, как копошатся в грязном снегу хмурые, бледные молокососы, только что прошедшие боевое крещение.

– Ты чего? – мрачно спросил Пол.

– Смотрите, не помрите сейчас, когда уже все кончилось, – Джош, отсмеявшись, выволок из-под снега мешок с золотом, закинул за плечи. – Надеюсь, вы не думаете, что я вас потащу на себе?

– Надеемся, ты отдашь нам лошадь, – сказал Смиф.

– А где ваши скакуны? – усмехнулся Джош. – Запомните, первая заповедь стрелка – всегда надеяться только на себя.

– Так ты нас бросишь?

– Нет, конечно... – Джош подошел к Полу, присел рядом. – Дай-ка, я погляжу твою ногу. – Он достал нож, распорол штанину, осмотрел ногу, осторожно касаясь пальцами многочисленных синяков и ссадин. Сказал: – Перелома нет, не обольщайся. Несколько сильных ушибов, быть может где-то кость треснула. Но перелома нет. Так что нечего тут валяться и притворяться раненым. Вставай.

Он помог подняться Полу, взгромоздил его в седло. Потом посадил на лошадь Смифа. Усмехнулся:

– Держитесь крепче, ребята, ловить вас не буду.

Ставив снегоступы, сняв промокшую шубу, он взял смирную лошадь под уздцы и направился в сторону города. Через несколько шагов снег, нанесенный из другого мира, кончился, и под ногами зачавкала жирная грязь.

Лошадь шла неровно, подбрасывая в седле неумелых седоков. Пол и Смиф терпели боль, скрипя зубами и тихо чертыхаясь. Джош улыбался.

Им предстояло пройти двадцать миль.

Глава 5

Через час они вышли на раскисшую дорогу и вскоре оказались в небольшой деревеньке, где было двадцать домов, торговая лавка и постоянный двор.

– Я больше не могу, – взмолился Пол. – Давай остановимся здесь.

– Я думал, что ты торопишься попасть в город, – изобразил удивление Джош.

– Мне тоже надо передохнуть, – стиснув зубы, сказал Смиф.

– Но мы не прошли и пяти миль.

– Мы не можем в таком виде идти в город, – сказал Пол. – Нам надо привести себя в порядок.

– Это верно, – согласился Джош и свернул к постоянному двору – деревянному двухэтажному домику с коновязью у крыльца, с навесом на заднем дворе и большим сараем чуть в стороне. – Только не болтайте лишнего, – предупредил он, – ни единого слова о золоте!

Джош помог сползти с лошади Смифу, потом они вдвоем сняли с седла Пола. Обнявшись, стрелки кое-как поднялись по ступеням крыльца и все разом ввалились в широкую дверь.

– Хозяин! – прокричал Джош. – У тебя гости!

В просторной комнате было пусто. Все столы были тесно сдвинуты к правой стене, лавки, перевернутые ножками вверх, громоздились на столешницах. В углах, на окнах, под потолком висела густая паутина. Потрескавшийся очаг чернел давно погасшими углями. Судя по всему, гостиница переживала не лучшие времена.

– Эй, хозяин!

Скрипнула, отворяясь, неприметная дверь. Из-за нее высунулся осторожно сухонький старичок. Подслеповато щурясь, оглядел вымокших, грязных стрелков, цепляющихся друг за друга. Спросил скрипуче:

– Чего надо?

– Постояльцев берешь?

– Мяса у меня нет, вина тоже нет, и пива нет.

– А что есть?

– Сыр есть, хлеб есть, молоко есть.

– Молоко... – скривился Джош. – Ладно, выбирать не приходится. В комнатах тепло?

– Дров нарубите, истопите, будет тепло, – сказал старичок.

– Ну-ну, – Джош усмехнулся, покачал головой. – Неудивительно, что у тебя тут такое запустение.

– А не нравится, так езжайте дальше.

– Ладно, мы остаемся.

– Идите сюда, – старичок скрылся за дверью.

Джош, подхватив хромящих товарищей, поволок их вслед за хозяином.

За дверью была широкая разохшаяся лестница, ведущая наверх. Следуя за старичком по скрипучим ступеням, стрелки поднялись на второй этаж и очутились в маленьком холле в окружении дверей.

– Выбирайте, – сказал старичок, разведя руками. – Все номера свободны.

– Где можно разместиться втроем?

– А все равно. Комнаты одинаковые, четырехместные.

– Тогда и выбирать не из чего, – Джош ногой толкнул ближайшую дверь и боком, волоча виснувших товарищей, втиснулся внутрь. Старичок вошел следом, предупредил:

– Спать будете прямо так, без белья. Солома в матрасах свежая, клопов нет.

– Даже клопы от тебя сбежали, – усмехнулся Джош. Он опустил Пола на кровать, помог Смифу добраться до другой. Сбросил на пол мешок с золотом, выпрямился, расправил плечи.

– Принеси-ка нам чего-нибудь поесть.

– Сыр, хлеб, молоко, – напомнил старик.

– Давай, давай, – поторопил его Джош.

Хозяин, прикрыв дверь, ушел.

– Ну, как вам это местечко? – Джош присел на кровать, стоящую возле окна, выглянул на улицу.

– Дыра, – буркнул Пол.

– Немногим лучше, чем снежная избушка, – сказал Смиф.

В комнате были четыре кровати, стол, скамья, два стула, небольшой шкаф. Серый вязаный коврик лежал перед порогом. На подоконнике стоял горшок с давно засохшим цветком. Железная печка приткнулась к стене в углу, обложенном кирпичами. Над входом и у окна висели амулеты, оберегающие от злых духов.

– Надо будет согреть воды и вымыться, – сказал Джош, – от вас воняет псиной...

– От тебя тоже, – сказал Смиф, но Джош, не обращая внимания на его слова, продолжал:

– Разделим золото, переночуем здесь, а завтра я уйду в город.

– А мы?

– Если хотите, можете идти со мной. Но, уверен, утром вы не сможете даже шевельнуться, – Джош ухмыльнулся. – Вы слабаки, ребята. И дело тут не в опыте, не в вашей молодости. Вы слабаки, и слабаками останетесь.

– Эй, стрелок, – Смиф покраснел, – ты поосторожней!

– Я говорю то, что вижу. Глупо обижаться на правду.

Вернулся старик, принес каравай хлеба, головку сыра и молоко в большой глиняной посудине.

– А где кружки? – спросил Джош.

– Нету, – сказал хозяин, разведя руками.

– Ладно, – Джош махнул рукой, – иди. У нас свои есть.

Старик двинулся было к дверям, но тут Джош, спохватившись, окликнул его:

– Эй, хозяин!

– Чего?

– Тут у вас порох продают?

– В лавке, на той стороне улицы спроси.

– А лекарь есть?

– Живет один в крайнем доме, – старик махнул рукой в направлении окна. – Вот в том, со ставнями крашеными, видишь? Лекарь он или не лекарь, я уж не знаю, но роды у баб принимает и, ежели... – он замялся, – царапина там какая, то всегда к нему идем.

– А где бы нам воды согреть?

– Так прямо здесь и грейте. Вон печку накалите и грейте. Ведро я вам сейчас принесу.

Колодец во дворе, найдете.

– А дрова?

– Под навесом неколотые лежат. И топор там.

– Ладно, иди.

Старик направился к выходу, потоптался в дверях, потом спросил неуверенно:

– Платить-то чем будете?

– Золотом, – отозвался Джош. – Устроит?

– Золотом? – прокряхтел задумчиво хозяин. – Золотом, оно, конечно, да... Только за комнаты и за еду давайте сразу, а то еще... видели мы... таких вот... да... не раз... уже... –

он, запутавшись в словах, какое-то время немо шевелил губами. Потом, окончательно потерявшись, открыв беззубый рот, из-под насупленных бровей сурово оглядел стрелков.

– Заплатим, – пообещал Джош, – принесешь сейчас ведро, мы тебе сразу и заплатим.

– Ага, – сказал старик, удовлетворенно кивнул и ушел, оставив дверь открытой. Заскрипела ведущая вниз лестница.

– Странный он какой-то, – заметил Пол.

– Да тут вся деревня такая, – Джош снова подошел к окну, выглянул наружу. – Тихо, на улице никого нет, ни людей, ни скотины, ни птицы. Как вымерло все.

– А может все и вымерло, – подал голос Смиф.

– Вон в трех домах печь топят – трубы курятся.

Джош поднял с пола тяжелый мешок, положил на стол, развязал тугой, набрякший влажной узел. Вытащил золотой слиток, размером с ладонь, острым ножом срезал уголок грамм в двадцать.

– Не много будет? – спросил Смиф, ревниво следя за действиями стрелка.

– В самый раз, – заверил Джош, убирая золото и завязывая мешок.

Через минуту вновь пронзительно заскрипела лестница. В комнату вошел хозяин, поставил на пол помятое ведро, сказал:

– Вот, пользуйте.

Джош протянул старику ребристый кусочек золота:

– Плата.

Хозяин осторожно взял драгоценный металл, покрутил в пальцах, внимательно осматривая со всех сторон. Хихикнув, сказал:

– На зуб бы попробовать. Да нетути, – он улыбнулся во весь рот, показав голые розовые десны.

– Настоящее, – заверил Джош.

– Похоже, похоже, – закивал старик. – Ежли чего надо, зовите меня, я всегда готов.

– Да ничего нам не надо, – отмахнулся Джош.

– Ну и ладно, – старик торопливо, словно боясь, что золото сейчас отнимут, скрылся за дверью. Перед тем как выйти, он обернулся и словно бы мельком глянул на мешок.

– Ладно, вы тут отдыхайте пока, а я пойду делами займусь, – сказал Джош, проводив хозяина взглядом.

– Какими? – спросил Пол.

– Всякими, – отрезал стрелок, подхватил ведро и последовал за хозяином, плотно прикрыв за собой дверь.

Спустившись по лестнице, пройдя через пустой заброшенный холл, он вышел на улицу.

Моросил скучный дождь. Небо, затянутое облаками, тягуче плыло куда-то за горизонт. Порой сквозь тянущуюся серую пелену проглядывало тусклое пятно солнца.

Джош прошелся вокруг дома, остановился напротив южной стены, отыскал окно комнаты, которую они сняли. Прикинул что-то в уме, хмыкнул. Заглянул в сарай. Под навесом нашел дрова и топор. С удовольствием расколол пару чурбаков, сложил дрова в кучку. За домом наткнулся на замшелый сруб колодца, перегнулся через скользкий край, увидел далеко внизу черную словно смоль воду, услышал ровный звонкий гул, идущий из глубины. Не удержался, крикнул:

– Эй!

– Эй, – плеснулось эхо.

Размотав с ворота цепь, он прицепил ведро к ржавому карабину. Ворочая неудобным воротом, спустил ведро к воде, утопил, потом долго вытягивал – срывающиеся капли падали вниз и звонко били волнующуюся кругами черную воду. Вытаскивая ведро из дышащего гнилью колодца, Джош поскользнулся на раскисшей земле и едва не свалился в жерло сруба.

С водой он вернулся в комнату, поставил ведро на железную печку, потом принес дрова. Нащепав смолистой лучины, достал спички, быстро развел огонь. Уже через пару минут воздух в комнате накалился настолько, что пришлось открыть окно.

Пол спал, свесив левую руку до пола, а правую положив на грудь. Смиф лежал на спине, заложив руки за голову и, бездумно разглядывая потолок, негромко мурлыкал какой-то несложный мотивчик. Обломок стрелы все еще торчал у него из бедра.

Джош поднял свой мешок, достал небольшой брусочек золота, положил в карман. Мешок затолкал под кровать.

– Эй! – окликнул его Смиф. – Я вижу.

– Это из моей доли, – успокоил его Джош.

– Но мы же еще не разделили.

– Почему ты такой жадный? Вроде бы совсем молодой...

– Я не жадный, просто хочу, чтобы все было по справедливости.

– Справедливость, – усмехнулся Джош, – это удобная иногда выдумка. В действительности ее не существует. Запомни это, парень, если хочешь стать настоящим стрелком.

– И, все же, пусть все будет по-честному.

– Не переживай, твои деньги останутся при тебе, – Джош поправил португепю, вытащил револьверы, внимательно осмотрел их. Объявил:

– Пойду за лекарем. Если вода закипит, сними.

– Ладно, – лениво отозвался Смиф.

– И постарайся не спать, все же здесь тридцать килограммов золота.

– Именно поэтому я еще не сплю, – сказал Смиф, высвободил из-под головы одну руку и показал револьвер. – Я наготове.

– Молодцом, парень, – подмигнул ему Джош и, улыбаясь, покинул комнату.

Он шел по улице, развернув плечи и высоко держа голову. Револьверы в кобурах мягко шлепали по бедрам, золотой брусок оттягивал карман. Безлюдная деревня словно затаила дыхание, исподтишка наблюдая за чужаком. Джош видел, как в темных окнах мелькают пятна лиц. Он видел, как колышутся занавески – за ним следили и словно бы чего-то ждали.

Он остановился перед лавкой. Прочитал объявление, потекшее чернильными ручейками:

«Мы работаем круглосуточно. Если заперто, стучите. Если не открывают, стучите громче.»

Усмехнувшись, Джош занес кулак,

«...стучите громче...»

но постучать не успел – дверь сама распахнулась. За ней стоял приветливо улыбающийся румяный толстяк в мешковатой одежде, изрядно потертой, но чистой.

– Заходите, – сказал он, лучась счастьем.

Джош перешагнул порог.

Внутри было тесно, сумрачно и пыльно. Полки и стеллажи, забитые различными товарами, занимали почти все пространство комнаты. Проходы меж ними были так узки, что двигаться по ним можно было лишь боком, да и то с немалым трудом. Джош представил, как пробирается среди своего хозяйства этот румяный здоровяк, и хмыкнул.

– Что вас интересует? – спросил лавочник, улынувшись еще шире.

– Прежде всего порох, – сказал Джош.

– Сколько?

– Пятьдесят мерок.

– Пороху осталось мало, но думаю, мерок сорок найду. Что еще?

– Карбид для горелки. И одежда: плащ, рубаха, штаны.

– Ткань, кожа?

– Штаны и рубашку из лучшей ткани, плащ, конечно же, кожаный.

– Это все у меня есть. Еще что-то?

– Свинец.

– Свинец кончился.

– Кончился? – Джош нахмурился.

– Да. Два дня назад.

– Пули?

– Нет.

– А патроны есть?

– Какого калибра?

– А какие есть?

– Никаких нет, – улыбка толстяка чуть потускнела. Он, как мог, старался изобразить участие.

– Зачем же спрашивать?

– Привычка.

– Странная привычка для лавочника.

– Мне так не кажется. Что еще?

– Бинты и спирт.

– Это есть. Все?

Джош задумался, почесал в затылке. Вроде бы, все.

– Все.

– Хорошо, сейчас принесу, – здоровяк, втянув живот, проскользнул в щель меж стеллажей и исчез из вида. Только слышно было, как поскрипывают половицы под тяжестью его упитанного тела.

Джош огляделся.

На полках возле входа лежало всякое барахло: пыльные свертки материи, поеденные молью и мышами, какие-то круглые камни, возможно старые пушечные ядра, ржавые гнутые гвозди, стопки желтой бумаги, чьи-то истлевшие кости, вполне может быть, что человеческие... Основные ценности, видимо, находились в глубинах помещения, в лабиринте стеллажей. Узкие окна лавки были забраны коваными решетками, тяжелая дверь с внутренней стороны обшита медными листами и укреплена металлическими полосами. Прочный металлический засов не поддавался бы и тарану.

– Чем будете платить? – в облаке пыли возник из-за стеллажей лавочник, бросил на маленький столик мешочек с порохом, свернутую одежду, бинты, кусок карбида, тщательно запеленатый в слюду. Аккуратно поставил пузырек со спиртом.

– Золотом.

– Золотом? – вздернул бровь лавочник.

Джош достал слиток, вытащил нож. Отпилил щедрый кусок мягкого металла, протянул толстяку. Сказал:

– Не торгуйся. Я знаю, тут больше, чем надо.

Лавочник посмотрел на золото, взвесил в руке, попробовал на зуб. Сказал:

– Отличное качество!

– Да, неплохое.

– Может желаете обменять? В городе не дадут той цены, что дам я.

– Нет.

Джош только сейчас сообразил, что ему некуда положить покупки. Мешок остался в комнате под охраной Смифа, а сырые карманы не самое подходящее место, чтобы таскать в них порох и карбид. Да и одежду под мышкой нести неудобно. Заметив замешательство клиента, лавочник на мгновение отступил за полки, вернулся и бросил перед стрелком отличную кожаную сумку.

– Половина того, что вы уже дали, и она ваша.

– Ладно, – Джош отрезал от слитка еще кусочек, отдал хищно улыбающемуся толстяку, забрал сумку, сложил в нее все, кроме плаща и пузырька со спиртом.

– Заходите с друзьями, – сказал лавочник.

Джош молча кивнул, сунул стеклянный пузырек в карман. Развернув плащ, встряхнул, накинул на плечи и вышел на улицу, под дождь. Капюшон надевать он не стал, чтобы не ухудшать обзор.

Не нравилась ему эта деревня.

Непохоже, что здесь живут обычные крестьяне. Где скотина, птица, где огороды?..

Поглядывая по сторонам, он направился к дальнему дому, закрытые ставни которого были выкрашены желто-коричневой краской.

Откуда у лавочника столько товара?

Вот только патронов нет, и порох кончился, и свинец не продается.

А до города пятнадцать миль. Неблизко. Закон не достанет.

Здесь уже свой закон...

Джош стукнул в закрытый ставень и взошел на крыльцо.

Дверь оказалась незаперта.

– Эй, есть кто? – крикнул Джош в душную темноту.

– Чего надо? – откликнулся недовольный голос.

– Полечиться.

– Ну, заходи, стрелок.

Он переступил порог. Дверь на тугой пружине захлопнулась сама, и тьма сомкнулась, обступила его со всех сторон, разглядывая, ощупывая. Сделав несколько неуверенных шагов, Джош уткнулся лицом в пыльную ткань. Занавеска. Он, запутавшись в ней, закрутился на месте, кое-как выбрался из душного кокона, чихнул.

– Чего ты там возишься, стрелок? – весело спросил голос.

– Да где тут у вас вход? – зло откликнулся Джош.

– Так ведь завесь отыскал? За ней и вход.

Джош ошупью нашел край занавески, отдернул в сторону. Увидел маленькую комнатушку, темную, мрачную. Желтый слабый огонек трепыхался на фитиле масляного светильника, черные бесформенные тени колыхались на стенах. За столом, рядом со светильником сидел горбатый, страшно худой человек в грязных обносках и плел что-то, шевеля длинными тонкими руками, похожими на паучьи лапы.

– Чего ты в темноте сидишь? – спросил Джош.

– Глаза у меня больные, – сказал горбун и повернул изможденное лицо к стрелку. Огромные белесые глаза его слезились, красные опухшие веки мелко подрагивали. – Нельзя мне на свет.

– Это ты лекарь?

– Ну, какой из меня лекарь, сам погляди? – горько сказал горбун, продолжая плести нечто, похожее на циновку.

– Мне сказали, что здесь живет лекарь.

– Это они называют меня так. А что я могу? Роды принять, да пулю выковырнуть.

– И часто тебе приходится пули выковыривать?

– Бывает, – нехотя сказал горбун и надолго замолчал. Джош ждал, скрестив руки на груди. Наконец, лекарь отложил свое плетение, тяжело вздохнул, повернулся к стрелку и спросил:

– Ну чего тебе? Дружков твоих полечить? Стрелу из одного вытащить, а второму ногу поправить?

– Да, – Джош удивился осведомленности горбуна, но вида не показал: – Я заплачу.

– Золотом?

– Да.

– Зачем мне твое золото? – спросил горбун, пожимая плечами. – Ни к чему оно мне.

– Тем лучше, – Джош откинул полы плаща, положил ладони на рукояти револьверов. –

Собирайся, мне нужна твоя помощь.

В темном углу за спиной горбуна что-то завозилось.

– Это моя жена и дети, – поспешно сказал пучеглазый лекарь, заметив как напрягся стрелок.

– Собирайся, – чуть тише повторил Джош, опуская руки.

– Ладно, – горбун встал, подошел к стрелку вплотную, вперился в лицо. Джош внутренне содрогнулся, разглядев вблизи опухшие кровоточащие веки без ресниц, слезь, сочащуюся из уголков глаз, красные кляксы на мутной роговице.

– Нельзя детям играть с оружием, – сказал горбун, нехорошо усмехнувшись, и опустил взгляд. Он обошел комнатку, то погружаясь во мрак, то выныривая под неяркий свет фитиля. Жуткого вида тень кралась за ним по стенам.

– Я готов, – сказал горбун, в очередной раз появляясь на свету. Глаза его были закрыты матерчатой повязкой. – Но тебе придется меня вести, – он протянул костлявую руку к стрелку, и Джош, поборов отвращение, взял неприятно сухую ладонь. Острые пальцы тотчас сжались, словно птичья лапа, впились ногтями в кожу, и стрелок невольно подумал, что уже никогда не сможет освободиться от вцепившейся намертво руки горбуна.

– Веди, – сказал лекарь. – Только смотри, не запутайся в занавеске.

В углу шевельнулась тень, и Джош увидел, как из мрака протянулась к столу невообразимо длинная бледная рука и удавила тонкими пальцами слабый трепыхающийся огонек. В комнате стало совершенно темно.

– Идем, – дрожащим голосом сказал Джош, чувствуя, как тьма заволакивает сознание...

Он пришел в себя только на улице, шагах в двадцати от дома с закрытыми ставнями, выкрашенными коричневой краской. В руку его вцепился лекарь с повязкой на глазах. Как они вышли из дома, как прошли эти двадцать шагов – Джош не помнил.

– Кто ты? – спросил Джош у горбуна. Тот улыбнулся, повернул голову на голос:

– Они говорят, что я лекарь. Что же, пусть будет так.

– Но кто ты на самом деле?

– Пленник. Как и ты, стрелок.

– Как и я?

– Да, да. Скоро. Нельзя было давать ребенку оружие. Но ты не отчаивайся. Даже во тьме не отчаивайся.

Джош поежился. Спросил, почему-то смущаясь:

– Ты... ты – человек?

– А ты?

– Я человек.

– Значит и я тоже.

Дальше они шли молча. Горбун, вывернув шею, подставил лицо дождю и блаженно улыбался.

Перед гостиницей пальцы лекаря вдруг вонзились в руку стрелка так сильно, что он невольно вскрикнул.

– Сегодня ночью они придут к вам за золотом, – прошептал горбун. – Жди.

Джош остановился, огляделся по сторонам.

– Зачем ты предупреждаешь меня?

– Ты ближе ко мне, чем они.

– Кто – «они»?

– А ты не знаешь?

– Хозяин постоялого двора тоже?
– Они все заодно. Они не терпят чужаков, тем более чужаков богатых. Сегодня ночью они придут.

Джош помолчал.

– Спасибо за предупреждение. Я чувствовал, что здесь нечисто. У меня будет чем их встретить, – сказал стрелок и тут же вспомнил, что свинец для пуль купить не удалось.

– Тебя зовут Джош? – спросил лекарь.

– Да.

– Я многое слышал о тебе. Это правда, что о тебе говорят?

– Иногда я сам задаю себе этот вопрос.

Горбун широко улыбнулся и сказал:

– Мы с тобой очень похожи, стрелок. Очень!.. А сейчас веди меня к своим друзьям.

Они взошли на крыльцо, проследовали через холл, по скрипучей лестнице поднялись на второй этаж. В комнате было душно, несмотря на открытое настежь окно. Пол все еще спал. Смиф сидел возле окна и, морщась, стиснув зубы, ковырялся ножом в кровоточащей ране, пытаясь извлечь обломок стрелы. Увидев вошедших, он отвлекся на секунду, сказал Джошу:

– Вода вскипела, я снял, – и вернулся к самоистязанию.

– Если ты думаешь, что боль сделает тебя сильнее, – заметил горбун, – то ты ошибаешься.

– Кто это? – спросил Смиф у Джоша. – У него что, повязка прозрачная?

– Боль видится не глазами, – сказал горбун. – Повязка совершенно не мешает.

– Это лекарь, – сказал Джош. – Прекрати уродовать свою ногу, пусть ей займется специалист.

– Безглазый? – хмыкнул Смиф.

– Это ты безглазый, – неприязненно сказал горбун. – Ты даже не видишь, как твоя кровь пожирает тварей с грязного лезвия твоего ножа.

– Чего? – фыркнул Смиф.

– Хватит спорить! Ложись! – приказал Джош.

Недовольно ворча, Смиф на здоровой ноге допрыгал до своей кровати, рухнул на матрас. Охнув, вытянул ногу. Спросил с опаской:

– Будешь резать?

– Буду, – сказал лекарь и вытащил из кармана узкий ланцет. – Мне нужна горячая вода и спирт.

– Есть, – сказал Джош. Подхватив тяжелое ведро, исходящее паром, он поставил его рядом с горбуном. Вынул пузырек со спиртом, откупорил, осторожно понюхал.

– Вымой в горячей воде, а потом протри спитом, – сказал горбун, протягивая ланцет Джошу. Стрелок, не говоря ни слова, послушался, быстро выполнил все, что было велено.

– Хорошо, – лекарь сунул руки в нестерпимо горячую воду и долго тер ладони, отмывая грязь. Потом принял обеззараженный ланцет, присел на кровать рядом со Смифом, длинными пальцами осторожно коснулся краев раны. Сказал:

– Распори ткань.

Джош, ополоснув свой нож, разрезал Смифу штанину и вновь отступил за спину лекаря.

– Хорошо, – горбун, раздувая ноздри, словно принюхиваясь, склонился к ноге. Замер на несколько секунд, только пальцы бегали по оголенному, сочащемуся живой кровью мясу.

– Хорошо, – кивнул он и сделал один-единственный надрез. Смиф вздрогнул и стиснул зубы. А горбун взялся за обломок древка, чуть повернул, чуть наклонил, легко извлек из раны треугольный металлический наконечник и бросил его на пол.

– Все! Плесни сюда спирт.

Джош вылил на кровоточащую рану добрую треть пузырька. Смиф, вцепившись в матрас, скрипел зубами, но терпел, молчал.

- Есть чем завязать?
- Бинт.
- Давай.

Спустя минуту плотная аккуратная повязка красовалась на бедре Смифа.

– Лучше будет, если несколько дней ногу не тревожить, – сказал горбун. Он поднялся с кровати, подошел к спящему Полу, склонился над ним, поводит руками. Сказал:

– Этому помощь не нужна, он здоров, кости целы. Неделю еще похромает, но все будет в порядке.

– Симулянты, – пробормотал Джош.

– Не будите его, – сказал горбун. – Ему надо как следует выспаться... – он вдруг резко повернулся к двери, склонил голову набок, раздул ноздри, высунул язык, пробуя воздух на вкус. Сказал громко:

– Кто там? Ты, Кутид?

Возникла секундная заминка. Все смотрели на закрытую дверь.

– Я, – дверь открылась, в комнату заглянул хозяин. Джош нахмурился, подозрительно разглядывая старика. Как сумел он подойти абсолютно бесшумно? Давно ли стоит за дверью? Подслушивает?

«...сегодня ночью они придут к вам за золотом...»

И каким образом почуял его присутствие горбун? Услышал? Унюхал?

– Ты очень кстати, Кутид, – сказал лекарь, – ты проводишь меня домой.

– Но... – старик развел руками.

– Что? Ты хочешь, чтобы я остался здесь?

– Нет, – хозяин шагнул в комнату, взял горбуна за руку. Было заметно, что он боится лекаря. – Я отведу тебя.

– Вот и хорошо. Ты же знаешь, что глаза у меня больные, что я ничего не вижу.

– Да, да.

– Я старый беспомощный горбун...

Они ушли – странный лекарь с плотной повязкой на глазах и его невольный поводырь. Джош закрыл за ними дверь, задвинул засов. Повернулся к Смифу, сказал:

– Сегодня спать будем поочередно.

– Почему? – Смиф насторожился. – Что-то не так?

– Они знают по золоту. И мне не нравится эта деревенька.

– А мне не нравится этот горбун.

– Кажется, он на нашей стороне.

– С чего ты взял? И кто он такой?

– Не знаю. Боюсь, он не совсем человек. Возможно, он из другого мира... – Джош подошел к открытому окну, выглянул наружу. Вечерело. Дождь не собирался переставать. Ночь будет темной, глухой...

– Он сказал, что за золотом должны прийти этой ночью.

– Кто должен прийти?

– Все они.

Смиф приподнялся, сел на кровати, спустив ноги на пол. Посмотрел в сторону улицы. Спросил:

– И что нам делать? У меня нет ни единого патрона. Бежим сейчас?

– Они следят за нами и не выпустят просто так. Пока мы безоружны, будем сидеть здесь.

– Ты надеешься высидеть патроны?

– Я кое-что приобрел. И кое-что придумал.

Он поставил на стол кожаную сумку и свой старый мешок, присел на стул.

– Я купил порох, но немного. Думаю, если бы продавец был чуть сообразительней, он не дал бы и этого. Также, как не продал свинец и патроны.

– Что толку в порохе, если нет пуль? – спросил Смиф.

– Пули мы отольем.

– Из чего? Из глины?

– Из золота.

– Из золота? – Смиф встал. Придерживаясь за стену, подковылял к столу, опустился на свободный стул. – Из нашего золота?

– Именно.

– Не дам! – заявил Смиф.

– Ты хочешь умереть?

Джош достал из сумки мешочек с порохом и карбид. Порывшись в мешке, поставил на стол газовую горелку, маленький тигель, форму для пуль, небольшой пресс для обжимки патронов. Вытащил два золотых слитка. Вынув револьверы, откинул барабаны и вытащил стрелянные гильзы. Обратившись к Смифу, сказал:

– Поройся в одежде, проверь все карманы. У Пола погляди тоже. Нам нужно как можно больше гильз.

Открыв бачок горелки, от залил в него пару кружек воды, бросил кусок карбида – вода вскипела, запахло ацетиленом. Джош закрыл емкость, накрепко закрутил винты-барашки, выждал какое-то время. Потом зажег от печи тонкую лучину, поднес огонь к горелке. Хлопнув, в воздухе возник синий язык пламени. Стрелок, покрутив клапан, укоротил рвущееся пламя и стал ножом резать бруски драгоценного металла на маленькие ребристые кусочки.

Смиф высыпал на столешницу найденные гильзы и уселся напротив Джоша, наблюдая, как тот плавит в тигле золото, как разливает его по ячейкам формы, как ловко выбивает полувывисшиеся еще горячие пули, выстраивает их ровной шеренгой по центру стола...

– Хватит бездельничать! – оторвавшись на секунду, сказал Джош. – Начинай вычищать гильзы...

На улице темнело. За окном шелестел дождь – шуршал по крышам, ворошил в траве, бился в металлические карнизы. С востока подкрадывалась к деревне ночь – уже небо почернело, исчез горизонт, мрак прокрался к домам, спрятался в низинках, затаился в щелях. Одно за другим загорались тусклой золотой желтизной окна изб. С приближением ночи деревня постепенно оживала.

Смиф и Джош, понимая, что время выходит, торопясь, готовили патроны – заменяли капсулы, отмеряли порох, засыпали его в гильзы, вставляли золотые пули, обжимали податливую латунь на маленьком прессе...

Пол спал.

Не будите, сказал горбатый лекарь, и Джош почему-то не мог его послушаться...

«Ему надо как следует выспаться...»

Когда пришла ночь, сорок патронов выстроились рядом на столе.

Сорок выстрелов.

Джош и Смиф, уже никуда не торопясь, при синеватом свете газовой горелки стали заряжать свои револьверы. По шесть патронов в каждый барабан. Итого двенадцать у человека. Двадцать четыре – у обоих. Остается еще шестнадцать – на столе.

Сорок выстрелов – сорок смертей.

– Они придут за золотом, – усмехнулся Джош, – и получат его.

– И все же это расточительство, – недовольно заметил Смиф.

– Относись к этому проще. Мы богачи, мы можем это себе позволить... А теперь ложись спать.

– Что?

– Не думаю, что они придут сейчас. Уверен, они появятся ближе к утру.

– Почему ты так решил?

– На их месте я бы поступил именно так.

– Это меня не убеждает.

– И все равно, ложись.

Ворча, не убирая заряженные револьверы, Смиф добрался до своей кровати, упал на матрас, скрестил руки на груди. Сказал, уставившись в потолок:

– Спать я не собираюсь. Только отдохну немного.

– Вот-вот, отдохни, – согласился Джош, закрывая окно. Ставней на втором этаже не было, занавесок тоже, поэтому он воткнул в деревянную раму ножи и повесил на них плащ, загородив темное стекло. Потом он подошел к незанятой кровати и, стараясь не шуметь, пододвинул ее вплотную к запертой двери.

– Им никогда не взять нас здесь, – сонно пробормотал Смиф.

– Они могут осадить нас и ждать момента, когда мы порем от голода или жажды. А после придут и без особых хлопот возьмут все золото. Зачем им лезть под пули?

Смиф не ответил. Он уже спал.

В комнате стало темно. Карбидная горелка выдохлась, погасла. Дрова в печи прогорели, только порой пробежали по остывающим углям алые волны жара, отбрасывая на пол и стены тусклые отблески.

Джош, взяв револьверы в руки, лег на кровать и прикрыл глаза.

Как много событий может иной раз втиснуться в один нескончаемый день!..

Он задремал, не теряя над собой контроля. Он знал, что спит, он слышал каждый шорох, каждый скрип, он был готов пробудиться в любой момент.

Пришли странные видения – горбатый лекарь дрался с розовощеком толстым лавочником. Они катались по полу комнаты и визжали. Потом горбун встал, а лавочник остался лежать. *Ему надо как следует выспаться*, – сказал лекарь. Он усмехнулся, и уголки рта стали расползаться, лицо начало меняться, оплывать. Что-то страшное проглянуло в неясных чертах...

Джош на мгновение очнулся, отогнал неприятное видение. И вновь его сознание растворилось в грезах.

Хозяин гостиницы, ухмыляясь, тащил по скрипучей лестнице тяжелый мешок. Что там было? Золото? Или части тел?.. Какой-то мальчик держал в руке револьвер – его револьвер! Горбун, качая головой, все повторял и повторял уныло: нельзя было давать детям оружие... нельзя было... Тянулась из тьмы бледная длинная рука, душила пальцами сизый огненный шнур, рвущийся из сопла горелки. *Это моя жена...* Скакали в тумане всадники, выставив перед собой пики, а ребенок все пытался поднять револьвер, и длинная нечеловеческая рука тянулась к дулу, готовясь поймать вспышку выстрела. Нельзя было давать детям оружие...

Джош утонул в сновидениях. Он уже не мог разобраться, где явь, а где сон. Какая-то часть его сознания еще цеплялась за ускользящую реальность, но видения крепко держали его в своем мире, не собираясь выпускать. Джош слишком устал. Он уже не мог заставить себя открыть глаза. Несколько раз он все же вырывался из тенет сна, но лишь для того, чтобы оказаться в следующем, еще более странном сновидении...

Погруженный в водоворот снов, он не мог видеть, как медленно стал отходить в сторону шкаф, открывая черную дыру потайного хода. Из проема осторожно выглянул хозяин постоянного двора, убедился, что стрелки спят, шагнул в комнату. За его спиной показались еще несколько силуэтов. Когда старик подошел к кровати, на которой лежал Джош, выспавшийся Пол беззвучно зевнул и открыл глаза. Он увидел дыру в стене, отодвинутый шкаф, несколько крадущихся теней. Матово блеснуло во тьме лезвие ножа. И Пол пронзительно крикнул:

– Джош!

Окрика было достаточно, чтобы вырвать стрелка из паутины сна, и он, мгновенно стряхнув оцепенение, разом оценив ситуацию, спустил курки револьверов. Вспышка пламени выхватила из тьмы бледные лица людей. Проснулся Смиф, подпрыгнул на кровати, забыв о своей больной ноге, в упор выстрелил в скользнувшую мимо тень.

Три тела упали на пол. Хозяин гостиницы, здоровяк из лавки и еще кто-то незнакомый. Остальные силуэты шарахнулись, растворились во тьме прохода. Сколько их было? Не разобрать...

– Задвигаем! – Джош выстрелил в черную дыру, подскочил к шкафу, навалился плечом. Через секунду на помощь пришел Смиф. Неохотно, скрипя и скрежеща, шкаф поддался, пополз, закрывая проем потайного хода. Хромая, подбежал Пол, уперся руками, помогая товарищам.

Шкаф встал на место.

– Надо его заклинить! – Джош запнулся о скамью, перевернув ее, ругнулся сквозь зубы. Наклонившись, поднял, сунул ее меж стеной и шкафом. – Удержит!

– Пол! – крикнул Смиф. – Там на столе! Заряжай, это твои!

Пол, сообразив, что речь идет о патронах, подковылял к столу, вслепую сгреб патроны в ладонь, стал торопливо пихать в барабан револьвера.

– Я готов!

– Они больше не сунутся, – спокойно сказал Джош, опуская оружие и криво усмехаясь. – Они знают, что теперь мы их ждем, знают, что у нас есть оружие.

И, словно в ответ на его слова, на улице грохнул выстрел. Оконное стекло со звоном осыпалось.

– Продырявили мой новый плащ, – констатировал Джош.

– Значит, оружие есть не только у нас, – сказал Смиф.

Вновь на улице раздался выстрел. Пуля щелкнула о потолок.

Джош подошел к окну, встал сбоку, осторожно выглянул наружу. Сказал:

– Ничего не видно, темно и дождь.

– Что будем делать?

– Дожидаться утра.

– А потом?

– Будем уходить.

– Как?

– С боем!..

Но боя утром не получилось.

До самого восхода стрелки сидели на полу посреди тесной комнаты, держали револьверы наизготовку и молчали. Три трупа лежали на полу в паре шагов от них. В воздухе пахло кровью и пороховым дымом.

Утро заглянуло в комнату через два аккуратных отверстия в плаще, загораживающем окно.

– Светает, – сказал Джош. Он встал, резким движением сдернул плащ, выждал минуту и осторожно выглянул на улицу.

– Чисто.

– Никого не видно? – спросил Смиф.

– На улице пусто. Думаю, они ушли. Решили не связываться со стрелками.

– Как-то не верится мне, – с сомнением сказал Пол. – Может это ловушка?

– Мы не можем сидеть здесь, – сказал Джош. – Кто знает, может они отправились за подкреплением? Не забывайте, у нас меньше сорока патронов.

– Значит уходим?

– Да, прямо сейчас.

Стрелки быстро собрались. Джош отодвинул кровать, отпер дверь, выглянул из комнаты.
– Чисто.

Они, прикрывая друг друга, двигаясь вдоль стен, стараясь держаться подальше от окон и открытых мест, спустились по скрипучей лестнице, пересекли холл с ненужной, сдвинутой в угол мебелью.

– Погодите минуту, – Джош, оставив своих хромых товарищей, скользнул на улицу. Пригибаясь, держась стен и заборов, он обежал вокруг дома, заглянул на двор, под навес. Он не надеялся найти оставленную у коновязи лошадь, но все же...

Лошади нигде не было.

Впрочем, врагов тоже не было видно.

Он вернулся в дом.

– Все чисто.

– Ты уверен?

– Да. Они ушли. Или очень хорошо спрятались. Но искать их мы не будем.

– А я бы не прочь...

– Нет! – жестко сказал Джош. – Уходим! Цепляйтесь за меня...

Озираясь по сторонам, держа готовые к стрельбе револьверы на уровне пояса, стрелки вышли на дорогу. Все было тихо, деревня опустела. Только стая ворон, оккупировавших селение в предвкушении свежей мертвечины, хрипло переругивалась, тревожа звонкую утреннюю безмятежность.

Стрелки, обнявшись, держась друг за друга, уходили по направлению к городу. Покинутые дома равнодушно взирали им в спины.

И никто не стал их преследовать.

Глава 6

Через два дня они на лошадях въехали в город. Золото уже было разделено, каждый нес свою часть.

Город встретил их безразлично, только охранники в воротах внимательно осмотрели грязных усталых всадников и привычно махнули – проходите. Город принял стрелков, как и всех других – он глотал людей, не прожевывая, без разбора, а потом долго переваривал их в своей грязной утробе, ворочая в кишках улиц и желудках площадей. Порой отрывал кого-то, мешающего нормальному пищеварению, и все заглывал и заглывал новых людей. Город никогда не насыщался, он был вечно голоден, его ворота были всегда открыты...

– Куда вы теперь? – спросил Джош, остановившись перед небольшим каменным домиком с кованными решетками на окнах и с вывеской «БАНК» над железными дверьми.

– Ты хочешь отдать свое золото этим бандитам? – спросил Смиф.

– Советую и вам поступить так же.

– Ни за что!

– Это вредно для здоровья, держать все деньги при себе. Особенно для таких юнцов, как вы.

– Мы можем постоять за себя! – вскинулся Смиф.

Джош усмехнулся.

– Держитесь вместе, парни, – посоветовал он своим молодым товарищам. – Тогда, быть может, мы с вами еще когда-нибудь встретимся...

Не затягивая прощание, они разъехались. Что их связывало? Только одно небольшое дело, которое уже завершилось и успешно. Они были слишком разными, чтобы держаться друг друга. Джош, пожалуй, не испытал бы и капли жалости, если бы через час наткнулся на трупы своих недавних напарников. Они, он был уверен, тоже не расстроились бы из-за его смерти...

Спешившись, Джош накиннул узду на коновязь и вошел в банк. Три громилы-охранника, стоящие у дверей, в одно мгновение исследовали его со всех сторон, зацепились взглядами за револьверы, грозно надвинулись.

– Привет, Джош, – из-за спин охранников к стрелку скользнул невысокий темноволосый человек в сером костюме, протянул узкую ладошку. – Пришел отдать должок?

– И кое-что оставить тебе на сохранение, – Джош пожал протянутую руку.

– Даже так?

– Да, Тиас. Я разбогател.

– Насколько?

– На пятнадцать килограммов чистого золота.

Банкир присвистнул.

– А я уж объявил тебя в розыск. Думал, ты навсегда смотался из города.

– Ты же знаешь, я всегда отдаю свои долги.

– И при этом успеваешь наделать новых.

– Я не идеален, – Джош усмехнулся, пожал плечами. – У каждого свои недостатки.

– И один из них то, что ты не любишь разговаривать о своих долгах.

– Просто не люблю, когда их с меня требуют.

– И именно поэтому ты пристрелил двух моих людей?

– Они не понимали меня, – Джош развел руками, – ничего не хотели слушать. Понимаешь, Тиас, они собирались сломать мне нос и раздробить пальцы на правой руке. А я тогда не смог бы стрелять. И значит, остался бы без заработка. И как бы я вернул тебе деньги?

– Да, пожалуй, они несколько поспешили. Молодые, горячие... Я тебя не виню, Джош, мы же друзья. Но тебе придется за них заплатить.

- Конечно, Тиас.
- Вот и хорошо, – банкир улыбнулся. – Золото при тебе?
- Да, – Джош снял с плеча мешок, взвесил на руке: – Моя доля была пятнадцать килограммов, но я уже немного потратился – не хотелось идти пешком.
- Да я вижу, – Тиас подошел к зарешеченному окну. – Неплохая кобыла.
- Самое главное, смиренная. И не боится выстрелов. Даже ухом не ведет.
- Может глухая? – предположил банкир.
- Может и так, но я же не собираюсь с ней разговаривать.
- Один из охранников хмыкнул, и Тиас косо на него посмотрел. Ухмылка тотчас сбежала с лица громилы.
- Знаешь, Джош, – с показной грустью поделился банкир, – я частенько вспоминаю старые добрые времена, когда револьверы были не самовзводными, когда города только строились, и все решала не тупая сила, а ловкость, скорость и меткость.
- Сила сейчас тоже ничего не значит, – заметил Джош. – Теперь все решают деньги.
- Да, наверное... А жаль... Но мы-то с тобой люди старой закалки.
- Настоящие стрелки.
- Каких мало осталось.
- Да...
- Они замолчали, с приязнью разглядывая друг друга.
- А ты неплохо выглядишь, – сказал Джош.
- Ну, что ты, – отмахнулся Тиас. – Я теперь банкир. Не держал оружия лет пять, не меньше.
- Забавная штука – жизнь. А ведь когда-то мы грабили банки.
- Да. Стыдно вспомнить.
- Они улыбнулись.
- Теперь же ты грабишь меня, – сказал Джош, – своими процентами и постоянными поборами.
- А ты стреляешь моих людей, – подхватил Тиас.
- Так почему же мы еще не возненавидели друг друга?
- С чего это ты взял?
- Хочешь сказать?..
- Неужели не заметно?..
- Они расхохотались, обнялись.
- Ладно, давай сюда свое золото, – сказал банкир. – Сколько хочешь получить на руки?
- Много не надо, ты же знаешь, я не люблю деньги.
- Да, да, помню. Как ты всегда говорил? Это не мы имеем деньги, а они имеют нас.
- Точно!
- Ты все такой же.
- Я постарел.
- Но рука по-прежнему не дрожит.
- Зрение начинает подводить.
- А давай ко мне в охрану, – предложил Тиас. – Я уволю этих здоровых остолопов, найму тебя и еще кого-нибудь из опытных вояк.
- Нет, не мое это. Хотя, спасибо.
- Ну, гляди. У меня сейчас дела идут в гору. Денежки рекой текут – город растет, клиентов все больше.
- Комендант, наверное, радуется?
- Да, благодаря ему город процветает.
- А настоящих стрелков все меньше и меньше.

– Такова история, что тут поделаешь? Стрелки пришли в этот мир, заняли его, очистили. А теперь дело за другими, за торговцами и банкирами, за плотниками и каменщиками, за крестьянами.

Джош задумчиво покачал головой.

– И за мошенниками... Наверное, ты прав... А вот скажи мне, друг, ты можешь заставить себя стрелять золотыми пулями?

– Чего? – не понял Тиас. – Зачем? К чему ты это спросил?

– Просто так, – махнул рукой стрелок. – Забудь.

– Золотые пули? – банкир поджал губы. – Но это же расточительство!

– Вот именно, – медленно произнес Джош. – В этом все и дело.

– Иногда я тебя совершенно не понимаю.

– Ты не один такой.

– Ладно, бери деньги, – Тиас достал из кармана толстый бумажник, отсчитал несколько купюр. – Сотни хватит?

– С избытком, – Джош взял деньги, отдал другу мешок с золотом.

– Сейчас пойдешь и напьешься? – предположил банкир.

– Именно. Пойду и напьюсь. Постараюсь хоть на несколько часов забыть про этот мир. Надеюсь, что и он позабудет про меня.

– Ты стареешь, Джош.

– Ты только что заметил?

– В тебе словно что-то надломилось. Ты устал.

– Да, я устал. Тут ты попал в самую точку, друг. И поэтому мне просто необходимо напиться. Так что пока. Надеюсь, мы в расчете?

– Долгов у тебя больше нет. И не переживай, я позабочусь о твоих деньгах.

– Вот и ладно. – Друзья обменялись крепким рукопожатием, открыто глядя друг другу в глаза. Джош подумал, что Тиас в этот раз даже не пригласил его в жилую часть своего дома, не предложил сесть, выпить чаю. Так и проговорили, стоя у порога, под надзором охранников.

– Еще увидимся.

– До встречи! – стрелок, открыв тяжелую неподатливую дверь, вышел на улицу, легко вскочил в седло. Мешок с золотом больше не тяготил его. И Джош снова почувствовал себя свободным.

Пришпорив лошадь, он направился вдоль улицы, поглядывая по сторонам. Он искал какую-нибудь забегаловку, маленькую, неприметную, где почти нет народа, где можно спокойно посидеть и никто не начнет приставать с ненужными расспросами, никто не будет лезть к тебе в душу.

Серые каменные дома, холодные и безликие, нависали над ним. Копыта звонко цокали по мокрому булыжнику мостовой. Немногочисленные прохожие, заслышав приближение всадника, жались к обочинам, поглядывали хмуро. Сыпал мелкий дождь.

Проехав несколько кварталов, Джош свернул в переулочек и вскоре оказался в тупике, в тесном окружении домов. Он поднял голову – узкая низкая полоса мутного неба, казалось, провисла меж крыш. Серые ошметки туч, словно рваные грязные флаги, полоскались на флагштоках громоотводов.

Джош спешил возле лестницы, спускающейся в подвал одного из домов. «У Тарла» – было написано на массивном деревянном щите, прислоненном к облупленной стене рядом с лестницей. Намалеванная красной краской стрелка указывала вниз. Джош привязал лошадь к щиту и спустился в подвальчик.

Внизу было уютно. Горел камин, поскрипывая, постреливая сухими дровами. Керосиновые светильники на стенах лишь слегка разбавляли мягкий, приятный глазу полумрак. Столов было много, но по-большей части они пустовали – только три человека сидели в разных углах

зала, словно бы избегая друг друга. За длинной стойкой дремал хозяин. На полках позади него выстроились разноцветные разнокалиберные бутылки. Из еды была лишь кровавая колбаса, сыр и ветчина – здесь уважали традиции и не стремились из питейного заведения сделать заодно и закусочную.

– Что-нибудь покрепче, – сказал Джош. Хозяин, лениво открыв глаза, молча кивнул, снял с полки одну из бутылок, открыл. Достал из-под стойки стакан.

– Я сам разолью, – сказал стрелок, – поставь это вон на тот стол. И еще порежь колбасы. Хозяин кивнул.

Джош прошел на выбранное место, сел за стол лицом к огню. Хозяин принес бутылку и стакан, поставил тарелку с колбасой. Стрелок протянул ему банкноту.

– Сдачи не надо. Постарайся меня не тревожить. Если бутылка или закуска кончится, просто принеси еще. Хорошо?

Хозяин кивнул, не проронив ни слова.

Определенно, Джошу нравилось это тихое местечко.

Он налил в стакан на два пальца. Понюхал. Выпил залпом, фыркнул в рукав, закусил кругляшом сочной колбасы. Потом долго смотрел на пляску огня в камине и чувствовал, как огонь растекается по телу. Не поднимаясь с места, он расстегнул свою кожаную сбрую, выложил револьверы на стол. Налил еще, выпил. Облокотившись на столешницу, подперев подбородок ладонями, он погрузился в неясные думы...

Его несильно толкнули в плечо.

– Наконец-то я нашел тебя, – сказал знакомый голос.

Джош медленно повернулся, сфокусировал взгляд. Пробормотал равнодушно, отворачиваясь и наполняя стакан:

– А-а, это ты. Зачем пришел?

– Ты кое-что мне обещал.

– Я? Когда? Что?

– Ты обещал мне рассказать о последнем бое Пятерки.

– В самом деле?

– Да. Ты сказал, что если мы выберемся...

– Ладно садись... А второй где? Как там его? – Смиф...

– Отдыхает, – Пол присел напротив Джоша, взмахом руки подозвал хозяина, заказал пиво.

– А ты, я гляжу, почти не хромаешь, – заметил Джош.

– Кость цела...

Они помолчали. Хозяин принес кружку пива, поставил перед Полом, ушел.

– Значит хочешь послушать, как все было на самом деле? – спросил Джош. Пол, отхлебнув пиво, кивнул.

– Ладно, если уж обещал, то расскажу... – Джош покачал головой. – Сколько лет прошло, а люди помнят. Только все это неправда, что они говорят, что ты слышал. Все эти красивые истории про Пятерку – ерунда! Все ложь! В нас не было ничего героического, мы не отстаивали добро, не искали правду. Мы жили грабежом и разбоем. Мы были обычными бандитами, а Пятерка была обычной бандой.

– И все же именно вы пришли на помощь городу...

– Не торопи события, не делай скоропалительных выводов. Сперва выслушай, как все было... – Джош, шумно выдохнув, опрокинул в себя стакан, сморщился, закусил колбасой. Задумался надолго. Пол ждал, изредка прикладываясь к пивной кружке.

– Нас было пятеро, – сказал Джош. – Порт, Вимолс, Тикрет, Дастин и я... Порт – высокий, крепкий, он никогда не снимал тяжелую кожаную куртку, утверждая, что однажды она спасла ему жизнь. Вимолс носил на себе шесть револьверов. Два на поясе спереди, два сзади и

еще два в подмышечных кобурах. Тикрет – молчун. Поэтому он нравился мне больше всех. И он никогда не ругался. Дастин – здоровяк, каких мало было, каких сейчас нет совсем. А еще он ловко орудовал ножом. Ну и я – молокосос, зеленый юнец. Хотя, надо признать, револьверы я выдергивал быстрее всех. И стрелял очень неплохо... – Джош улыбнулся. – Как мы встретились? О, это было забавно! Однажды я пошел грабить банк. А там уже были двое – Порт и Тикрет. Они выгребали монеты и торопливо распахивали по карманам. Естественно, я взял их на мушку, и посоветовал все отдать мне. Я не стрелял, так как не был уверен, что сразу уложу обоих. Они не дергались, так как вполне допускали, что я способен пристрелить их. Так мы и стояли, и стояли бы еще долго, но тут в банк ввалились еще двое – Вимолс и Дастин, и завопили во всю мочь, что это ограбление. Тут я не выдержал и расхохотался. Порт и Тикрет переглянулись и тоже рассмеялись. А новоприбывшие Вимолс и Дастин все никак не могли взять в толк, что тут происходит и растеряно водили стволами из стороны в сторону. Видел бы ты их морды! Вот так вот мы и встретились... Тот банк, как я помню, мы сожгли и все вместе отправились на юг. Времена были веселые, города только строились, порядка не было никакого. Это сейчас коменданты разделили мир на провинции и в каждой построили город-столицу. Раньше было куда проще – ни границ, ни комендантов, ни городов, на законов. Каждый заботился о себе сам. Стрелки зарабатывали на жизнь револьверами. Кто-то грабил, кто-то, напротив, охранял. А кто-то успевал делать и то, и другое. Веселая была жизнь! Это сейчас все стрелки под контролем, грабежом можно заниматься лишь по ту сторону Порталов. А-а!.. – Джош махнул рукой, приложился к горлышку. – Ну, какие сейчас стрелки?! Одно название! Гора самомнения с револьверами на поясе. Только близкая смерть может вышколить стрелка, сделать из юнца настоящего воина. А смерть сейчас приходит лишь к старикам. На улицах города даже выстрелить нельзя, чтоб об этом не стало известно ищейкам коменданта...

– Ты рассказывал о Пятерке, – напомнил Пол.

– Не перебивай меня, – Джош изрядно захмелел, язык его стал заплетаться, сложные слова давались с трудом. – Да, рассказываю о пятерке... Так вот, мы впятером бродили по миру и занимались настоящей мужской работой. Мы убивали. Нам было все равно, кого убить. Лишь бы получить деньги. Нас всех уже узнавали в лицо. Нас знали по именам. И вот тогда мы почувствовали вкус славы. Вот тогда все и начало меняться. Деньги отходили на второй план. Теперь мы грабили не ради денег, а для того, чтобы напомнить о себе, поддержать репутацию. Мы стали легендарной Пятеркой, которую знали во всех уголках нашего маленького мира. У нас появились подражатели. Однажды мы даже сошлись с такой лже-Пятеркой в дуэли. И, конечно же, победили – легенда не могла проиграть... И все же... все же мы старели. Нет, старели они – Порт, Тикрет, Вимолс и Дастин. Я же вырос. А они постепенно теряли сноровку и силу. Они выдыхались. Они начинали думать даже там, где думать было нельзя. И однажды Дастин – он всегда дружил с головой – сказал: все, пора на покой. Пора искать место, где можно будет спокойно встретить старость. Порт не согласился, он сказал, что настоящий стрелок должен погибнуть в бою, а не мочиться в собственную постель, дожидаясь прихода смерти. Если мы погибнем в бою, возразил Дастин, то над нами будет потешаться весь Приют. А те, кто пристрелят нас, – победители легенды – сами станут легендой. «Вы этого хотите?» – спросил он, и мы не смогли ответить. И тут в разговор вмешался Тикрет – молчун Тикрет. «Есть один беспрюжный способ, – сказал он. – В четырех милях от нас строится новый город, там уже возводят стены. Мы можем пустить слух, что в городе сейчас хранится казна молодой провинции, золотой запас, охраняемый бойцами коменданта. Огромные деньги! Мы можем сделать так, что все окрестные банды узнают об этом и сообразят, что золота хватит на всех. И, как вы думаете, что они предпримут?..» Тикрет оглядел нас. «И что же?» – спросил Вимолс. «Когда объединившиеся банды нападут на город, мы придем на помощь коменданту и горожанам,» – объяснил Тикрет. «Зачем? – недоумевал Вимолс. – Ты хочешь, воспользовавшись неразберихой, сам захватить все золото?» «Никакого золота нет, – объяснил молчун

Тикрет. – Мы сразимся с бандой. Если мы выиграем – то навсегда останемся в городе, как его спасители. Думаю, нам назначат именные пенсии. А если погибнем, то погибнем, как подобает стрелкам, в неравном бою. И никто никогда не посмеет над нами смеяться. И никто не сможет сказать, что именно он перестрелял легендарную Пятерку...»

Джош вновь приложился к бутылке. Пьяно осмотрелся по сторонам. Он и не заметил, что в забегаловке прибавилось народу. Восемь человек сидели за столами вокруг стрелков и, казалось, прислушиваются к разговору. Маленький мальчик лет семи, наверное сын хозяина, широко открыв рот, внимал рассказу стрелка.

– Хотите знать, чем все закончилось?! – вскричал Джош, поднимаясь из-за стола с бутылкой в руке. – Вы и так все знаете! Но я напому вам! Через четыре дня шесть банд ворвались в город. Они окружили усадьбу коменданта и грозились спалить все, перестрелять всех, если он не отдаст золото. У коменданта было восемь человек охраны – бестолковые юнцы, трясущиеся от страха. И не было никакого золота. И вот тогда в город вошли мы. Легендарная Пятерка, ищущая покоя... Первым покой нашел молчун Тикрет – он пристрелил двенадцать человек, но в тот момент, когда он перезаряжал свои револьверы, на него налетели трое всадников. Они совсем не умели стрелять, не могли попасть ни в голову, ни в сердце, и поэтому Тикрет долго истекал кровью, лежа в дорожной пыли. Умер он тихо и незаметно. Молча, так ни разу и не ругнувшись... Вторым был Порт. Все время, пока Тикрет истекал кровью, Порт был рядом, отстреливая всех, кто неосторожно высывался из-за укрытий. Они были неразлучны и умерли, кажется, в один момент – шальная пуля разнесла Порту череп, и крепкая куртка на этот раз ничем ему не помогла... Вимолс, увешанный револьверами, метался по улице в облаке пыли и дыма. Он был самым старшим из нас, но как он прыгал, как кувырчался, как перекачывался! В него не могли прицелиться, так быстро он двигался. И, все же, он наскочил на пулю. Упал и какое-то время полз к обочине дороги, надеясь, наверное, спрятаться за камнями. Он умер, крепко сжимая револьверы в руках – его потом так и похоронили... Дастин... Здоровяк Дастин поймал четыре пули. Одна пробил левую руку. Вторая засела в бедре. Третья воткнулась меж ребер. Четвертая попала в живот. А ему все было нипочем – он даже не прихрамывал, так и стрелял с двух рук. Перезаряжал револьверы и стрелял снова. Дважды ему приходилось пускать в дело нож. Я не знаю, какая именно пуля, из засевших в нем, его убила. Он шел, стрелял, вдруг упал и больше уже не шевелился. Здоровяк Дастин – таких людей больше нет... А я... я просто шел и стрелял. Я не прятался за укрытиями, не бегал. Я хотел умереть вместе со своими друзьями. Мне казалось, что это самое правильное, что со мной должно случиться... Даже не знаю, почему я выжил. Просто... просто вдруг враги кончились, и я оказался один. Совсем один... Вот и все, что случилось тогда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.